

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

ЛИЦО В ТЕМНОЙ ВОДЕ

Антон Грановский
Евгения Грановская
Лицо в темной воде
Серия «Марго Ленская и
дьякон Андрей Берсенов»
Серия «Под завесой
мистических тайн», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606902

Грановская Е. Лицо в темной воде : роман : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-68679-7

Аннотация

Продюсер Руслан Шуравин был в ярости: как она посмела? Жена Дина, которую он сделал звездой, бросила его и заявила об этом на всю страну в интервью! Неужели последует развод и неизбежный раздел имущества? Но с какой стати он должен отдавать свои кровно заработанные деньги? К счастью, его личная помощница Инга предложила отличный выход... Дина очнулась и не поняла, где она. Как она попала в маленькую избушку, затерянную в сибирской тайге? Правда оказалась ужасной: по дороге с гастролей на нее напали, но Дине чудом удалось выжить

благодаря таежному охотнику – он принес ее к своей прабабке-шаманке, и та буквально вернула певицу с того света. По словам старой шаманки, после этого Дина получила дар видеть призраков и общаться с миром духов... Возможно, новые способности помогут ей вернуться и отомстить!

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
1	8
2	13
3	21
4	29
5	37
6	46
7	55
8	58
9	61
10	67
11	72
12	81
13	91
14	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгения и Антон Грановские Лицо в темной воде

*На полянке возле елки
Ходят, бродят злые волки.
Морды задирают,
Страшно завывают...*

(Из детской песенки)

Пролог

«...20 октября 1939 года.

Дров мало, от холода и волнений силы у всех на исходе. Деревья вокруг какие-то хилые и сырые. Костер разводили на гнилых бревнах, неохота рыть яму. Ужинаем в палатке. Холодно. Вместе с дождем начал падать снег.

Не хочется об этом писать, но – все плохо. Все очень плохо. Митя сказал, что мы уже не выйдем из тайги живыми. Сказал это очень грустно, и никто не стал ему возражать. В группе наблюдается полный упадок сил – и физических и моральных.

Никак не можем уйти от болота. Словно прав был тот

страшный старик в Холозье, и какая-то ведьма нас тут кружит, заставляет все время выходить к болотам. Все сильно подавлены. Женя Кочев, видимо, чем-то отравился. (Лесные ягоды?) У него что-то вроде галлюцинаций, он думает, что кого-то видит, и очень этого пугается, хотя вокруг нас только деревья. Его тревога передается и нам. Полчаса назад Женя стал кричать, что видит чудовище, и попытался сжечь палатку, чтобы огнем отпугнуть это чудовище. Игорь связал ему руки ремнем.

Мы пытались шутить, но шутить больше не получается.

Из семерых человек остались только мы четверо. Смерть товарищей очень сильно нас угнетает. Но больше всего угнетает неизвестность. Мне все время кажется, что нас и правда кто-то преследует, идет за нами по пятам, что смерти были не случайными и они продолжатся. Но кому надо нас убивать?

Около двух часов, во время перехода, набрали на заброшенную стоянку лесных жителей – то ли хантов, то ли манси. Здесь повсюду на деревьях их значки и засечки. Вероятно, они так общаются между собой. Или предупреждают о чем-то.

Если бы я верил в Бога, я бы помолился. Очень не хочется умирать (*ЗАЧЕРКНУТО*). Очень хочется жить.

Допишу потом, кто-то кричит в лесу, Митя тоже кричит, мы...»

(На этом записи в дневнике экспедиции А.Н. Пичугина обрываются.)

Часть первая

1

Москва, наши дни

Дама, одетая в длинную ночную рубаху, – простоволосая, растрепанная, с безумно горящими глазами на бледном лице, вышла на сцену. В руке она сжимала зажженую свечу. Мужчина и женщина, стоящие в полумраке, на другом краю сцены, при появлении дамы прервали разговор и настороженно притихли.

– Доктор, это она, – тихо проговорила женщина, глядя на даму со свечой. – Теперь это ее обычный вид. Клянусь вам, она сейчас крепко спит. Понаблюдайте за ней. Можете подойти поближе – она вас не заметит.

Доктор осторожно приблизился на несколько шагов. Дама, одетая в ночную рубаху, посветила горящей свечой из стороны в сторону. На секунду язычок пламени озарил бородатое лицо доктора, и он испуганно отшатнулся, но странная дама его даже не заметила.

– Видите? – тихо сказала врачу его спутница. – Она крепко спит.

– Где она взяла свечу? – так же тихо спросил врач.

– Свеча стояла около ее постели, – ответила женщина. – Спальня теперь всегда освещена. Это ее приказ.

– Тише. Кажется, она смотрит на нас.

Дама со свечой и впрямь напряженно вглядывалась в полумрак, словно пыталась различить там два силуэта.

– Не бойтесь, доктор, – сказала женщина. – Говорю вам, она ничего не видит.

Между тем дама поставила свечу на край обшарпанного стола и внимательно посмотрела на свои руки, а затем принялась с остервенением тереть их.

– Что это она делает? – удивленно спросил доктор.

– Это стало у нее привычкой, – со вздохом ответила женщина. – Ей кажется, будто она их моет. Иногда это продолжается минут пятнадцать-двадцать подряд.

И тут дама, одетая в ночную рубашку, заговорила.

– Еще одно пятно крови! – с горечью произнесла она, глядя на свои руки. – Проклятое пятно! Ну когда же ты сойдешь? – Она глубоко вздохнула. – Ну кто бы мог подумать, что в старике окажется столько крови!

Врач склонился к уху своей спутницы и тихо спросил:

– Вы слышали? Ей кажется, что она смывает с рук чью-то кровь.

Услышать ответ доктор не успел, поскольку дама, одетая в ночную рубашку, горестно и тоскливо воскликнула:

– Да что же это, а? Неужели больше никогда я не отмою этих рук дочиста? – Губы ее задрожали, на глазах заблесте-

ли слезы, и она проговорила смягчившимся жалобным голосом: – Ну хватит, хватит, милый мой! Не выдавай нас своей дрожью. Все будет хорошо. Никто не узнает о том, что мы с тобой сделали.

– Ей что, кажется, что она кого-то убила? – поинтересовался врач.

Его собеседница вздохнула:

– Не знаю. Одному Богу известно, какие у нее тайны.

Дама в ночной рубашке поднесла одну руку к лицу, понюхала ладонь и скривилась.

– Все еще пахнет кровью, – сказала она с отвращением. – Никакие ароматы Аравии не отобьют этого запаха у этой маленькой ручки. Боже мой! Боже мой!

– Господи, как она страдает, – произнесла женщина с жалостью в голосе. – Интересно, какой груз отяготил ее сердце?

– Да уж, – мрачно проговорил врач. – Не знаю, что это за груз, но я бы не хотел носить такое в своем сердце.

– Вы поможете ей, доктор?

Он покачал головой:

– Нет. Боюсь, что ее болезнь не по моей части.

Женщина, одетая в ночную рубашку, вдруг улыбнулась и сказала кому-то:

– Вымой руки. Надень ночное платье. Мой милый, почему ты такой бледный? Повторяю тебе, твоего врага мы похоронили. Он не сможет выйти из могилы.

Дама в ночной рубашке к чему-то прислушалась, а затем

беспокойно воскликнула:

– Слышишь, стучат в ворота! Милый мой, дай скорее руку! И не кори себя. Сделанного не воротишь. Идем скорей в постель! Ну же – идем!

Дама в ночной рубашке взяла невидимого спутника за руку, подняла свечу со стола и двинулась прочь со сцены. Но вдруг остановилась и опустила взгляд на свою руку, держащую свечу. На этот раз на лице ее отобразилось недоумение. И вдруг она вскрикнула и отшвырнула от себя свечу – так, как отбрасывают насекомое или змею. А потом задрала полу ночной рубашки и попыталась оттереть что-то с ладоней.

– Черт, да что же это! – тихо воскликнула она. – Что они сделали?

Она вновь попыталась стереть что-то со своей ладони краем ночной рубашки. Врач и его спутница удивленно переглянулись, но ничего не сказали.

– Это кровь! – крикнула вдруг дама в ночной рубашке со страхом в голосе. – Твою мать, это настоящая кровь!

Она повернула голову и взглянула на зрительный зал.

– Нужно ее увести, – тихо сказал врач своей спутнице.

Он быстро подошел к даме, обнял ее за плечи и произнес:

– Леди Макбет, все хорошо. Вам нужно в постель. – А затем приник к ее уху и зашептал: – Дина Борисовна, что с вами? Вы отошли от текста.

Дама в ночной рубашке повернула голову и посмотрела на него недоуменным взглядом.

– В постель! – снова повторил врач. – Немедленно в постель!

И он повлек растерянную даму за кулисы.

2

– Дина, что с тобой? Зачем ты отошла от текста?

– Жора, ты не поверишь. Мне показалось, что у меня на руках кровь.

– И что с того? Ты леди Макбет, у тебя должна быть на руках кровь!

– Да нет, Жора. Я по-настоящему видела кровь.

.....

– Черт знает что такое, – проворчал «врач». – Ладно, мне пора бежать на сцену – спасти ситуацию.

Он повернулся и быстро пошел на сцену. Дина Васильева перевела дух. Рядом появился паренек из помощников.

– Дина Борисовна, вы были великолепны! – шепотом воскликнул паренек.

Дина скользнула по его веснушчатому лицу равнодушным взглядом, пожала плечами и зашагала в свою грим-уборную. Роль ее закончилась, и по пути к гримерке она приняла решение, что выходить на поклон сегодня не будет. Страх от неожиданного видения еще не прошел. Там, на сцене, Дине привиделось, будто свеча, которую она несла, вдруг стала красной, и с нее закапала настоящая кровь, прямо Дине на руку. Вероятно, виной всему было тусклое и неверное освещение.

– Как глупо, – проговорила Дина, чувствуя стыд. И повто-

рила с еще большей досадой: – Как глупо.

Дина Васильева не любила театр. Она играла роль леди Макбет три месяца, и ее уже мутило и от спектакля, и от режиссера, и от публики, и от слов, которые она вынуждена была произносить в двадцать пятый раз.

Для другой актрисы эта роль была бы настоящим подарком судьбы, но не для Дины. Она считала себя актрисой кино и телесериалов, и в эту авантюру с театром ввязалась лишь по настоянию мужа-продюсера, который с детства обожал театр. Со своей стороны, Дина считала это жертвой. Но при этом отдавала себе полный отчет в том, что ее муж Руслан заслужил эту жертву. В конце концов, своей славой она была обязана только ему.

Пять лет назад Дина Васильева была скромной исполнительницей народных песен в ансамбле «Русская березка». Руслан нашел ее, привел в кино, сделал звездой, дал денег на сольный проект и оплатил запись двух музыкальных альбомов. И никому прежде не известная Дина Васильева стала знаменитой кинозвездой и исполнительницей русских романсов.

...Стерев грим и переодевшись, Дина позвонила мужу. Тот был вне зоны доступа, и она надиктовала ему сообщение: – Руслан, перезвони мне. Я освободилась раньше и сейчас поеду к тебе.

Затем Дина набрала номер своего водителя, который одновременно выполнял функции ее личного телохранителя.

- Да, Дина Борисовна, – немедленно отозвался тот.
- Володя, я готова. Встречай меня у черного входа.
- Хорошо, Дина Борисовна.

Она бросила мобильник в раскрытую сумочку, накинула свой любимый белый плащ от «Барберри», забросила сумочку на плечо, надела темные очки, сняла с крючка белое кепи и вышла из гримерки.

В коридоре было пусто, но издалека, со стороны сцены до нее донеслись аплодисменты публики – словно шум прибоя невидимого моря. На секунду Дине стало жалко, что она не стоит сейчас на сцене в свете софитов, прижимая к груди огромный букет цветов.

Дина усмехнулась собственному тщеславию, закрыла дверь гримерки и быстро пошла по коридору, надевая по пути белое кепи с длинным козырьком, расшитое стразами (подарок самого Юдашкина).

По пути к служебному входу, она наткнулась на незнакомую женщину. Женщина была полная, краснолицая и вульгарно одетая.

Дина надвинула кепи на глаза и быстро прошла мимо. Но остаться незамеченной не удалось.

- Дина, можно ваш автограф? – понеслось ей вслед. А вслед за тем рядом зацокали каблуки незнакомки.
- Вы меня с кем-то спутали, – не оборачиваясь, обронила Дина.
- Вы же Дина Васильева!

– Вы ошиблись.

Дина ускорила шаг. Женщина остановилась и вдруг громко произнесла ей вслед:

– Стерва!

Дина резко встала – словно на стену наткнулась. Повернула голову, взглянула удивленно на женщину и проговорила:

– Что вы сказали?

– Я сказала – стерва. – Лицо женщины стало совсем пунцовым, а на губах появилась ухмылка. – Думаешь, ты лучше других из-за того, что артистка? Да таких, как ты, – пруди пруди. Думаешь, я не знаю, как вы становитесь знаменитыми? По многим постелям успела попрыгать?

– Милая, вам надо лечиться, – сухо сказала Дина.

Повернулась и продолжила путь.

– Дина, простите меня! – закричала ей вслед женщина. – Дина, я дура!

Дина свернула за угол, дошла до черного хода, открыла дверь и вышла на свежий воздух.

Шофер Володя уже караулил у двери. Это был высокий широкоплечий парень в строгом сером костюме, бывший десантник, мастер спорта по каким-то там единоборствам, но самое главное – отличный водитель, знавший Москву как свои пять пальцев.

– Все нормально, Дина Борисовна? – привычно осведомился он.

– Да, – ответила она. – Идем к машине.

Они неторопливо зашагали к белому «Лексусу», который Шуравин подарил Дине на годовщину свадьбы.

И тут ее окликнул незнакомый мужской голос:

– Дина Борисовна!

Она обернулась и увидела молодого парня, почти юношу, стоящего возле ярко освещенной афиши театра. Он был строен, высок, темноволос и черноглаз, одет в замшевую куртку, джинсы с подворотами и тяжеленные коричневые ботинки.

– Простите, что подошел к вам так, на улице, – снова заговорил парень. – Но у меня очень важное дело.

Он сделал шаг по направлению к Дине, и телохранитель Володя быстро встал между ней и парнем. Парень удивленно остановился.

– Это ваш друг? – иронично уточнил он.

– Это мой телохранитель, – ответила Дина. – Так что вы хотели?

– Я музыкант, – ответил парень. – Пишу и пою песни.

– Поздравляю!

– Спасибо. Но у меня нет продюсера, который мог бы заняться моей раскруткой.

– А вот это уже плохо. Без продюсера в нашем деле никак нельзя. Удачных поисков!

Дина сделала знак Володе и двинулась к машине.

– Подождите! – окликнул парень. – У вас есть связи! Вы могли бы мне помочь! Честное слово, я вас не разочарую!

Дина обернулась. Ее позабавила юношеская самонадеянность паренька.

– Звучит заманчиво, – с улыбкой сказала она, – но нет.

Молодой человек тоже широко улыбнулся, и оказалось, что улыбка у него необыкновенная – лучезарная, дерзкая и нежная одновременно.

– Простите, я не хотел вас обидеть, – произнес парень мягким голосом. – Знаете, тут рядом есть отличный ресторан. Почему бы нам с вами вместе не поужинать? Я бы все вам про себя рассказал.

– Не думаю, что мне это интересно, – ответила Дина.

– Не говорите «гоп», пока не перепрыгнули, – весело проговорил парень.

Дина посмотрела на него с насмешливым удивлением.

– А вы не сдаетесь, да? Простите, как вас...

– Иван, – с готовностью подсказал парень.

– Иван, я всего лишь артистка. Все мои альбомы продюсировал Руслан Шуравин.

– Да, я знаю. Он ваш муж.

– Совершенно верно. Если песня кажется вам хорошей, попробуйте показать ее моему мужу. Связаться с ним можно через его личного секретаря Ингу Палецкис. Телефон есть на интернет-сайте. Всего доброго и удачи!

Дина повернулась и продолжила путь к машине. Молчаливый Володя двинулся следом за ней.

– Подождите! – снова окликнул Иван.

Дина знала, что не должна останавливаться, и все же остановилась. Парень уже стоял рядом и, не обращая внимания на холодный взгляд телохранителя, протягивал ей что-то.

– Что это? – спросила Дина.

– Это мой промодиск! – ответил Иван. – Туда вложена моя визитная карточка. Если передумаете – позвоните.

– Ну, это вряд ли.

Дина взяла компакт-диск, повернулась и двинулась к своему «Лексусу». Она выбросила бы диск без промедлений, но ей показалось невежливым делать это в присутствии молодого музыканта.

Уже сидя в машине, Дина оглянулась и вновь посмотрела на парня. Он глядел ей вслед. А когда мотор машины заурчал, парень поднял руку и помахал Дине.

«Забавный парень, – подумала она вдруг. – И ведь наверняка мой ровесник. Отчего же он кажется мне таким юным?»

Дина представила себе Руслана Шуравина. Лицо мужа, нарисовавшееся в ее памяти, показалось ей вдруг старым, одутловатым, недобрым и некрасивым. Она снова обернулась, словно хотела сравнить это лицо с лицом музыканта Ивана, но машина уже свернула за угол, и парень скрылся из вида.

– Куда поедет, Дина Борисовна? – привычно поинтересовался водитель. – Домой или на студию?

– К мужу, – сказала Дина. – В офис.

Водитель кивнул. Дина достала из сумочки свой белый

мобильник, украшенный стразами, и набрала номер мужа. Телефон Руслана оказался недоступен. Она повторила попытку, но с тем же результатом.

Дина убрала мобильник обратно в сумочку. Продюсер Руслан Шуравин не любил, когда кто-то приезжал к нему без предупреждения, но Дина справедливо рассудила, что жена имеет полное право нанести внезапный визит мужу. Иначе какие же они супруги?

В приемной, как ни странно, никого не было. Дина подошла к кабинету Руслана и на всякий случай постучалась. Никто не отозвался.

Она открыла дверь и вошла в темный кабинет. Включила свет. Хрустальные стаканы, стоящие на стеллаже, тут же заискрились, словно очнулись от спячки.

Кабинет был обставлен не крикливо, без излишней роскоши, но со вкусом. Кирпичные стены, несколько больших постеров, стеллажи с компакт-дисками и наградными статуэтками разнообразных конкурсов и фестивалей. В углу – большой кожаный диван, чуть в стороне – диванчик поменьше. Рядом с ним – тумба со стереосистемой.

Дина прошла к столу и уселась в кресло мужа. Сняла кепи и очки, небрежно положила на матовую поверхность стола. С наслаждением откинулась на мягкую спинку кресла. Вот за этим столом, на этом самом кресле всесильный продюсер Руслан Шуравин решает, кто из молодых дарований станет настоящей «звездой», а кто отправится в долгое путешествие по сценам задрипанных ресторанов и маленьких провинциальных клубов.

Представив себе это, Дина даже слегка поежилась. Она вдруг вспомнила, как всего пять лет назад сама стояла перед Шуравиным, трепеща как осиновый лист и ожидая его вер-

дикта. Дина Васильева, двадцатитрехлетняя певица из подмосковных Люберец, дерзнувшая прийти на кастинг к знаменитому Руслану Шуравину!

В тот день она могла думать только об одном – казнит или милует? Миловал. И не просто миловал, а вложил в ее раскрутку все, что имел, – деньги, связи, талант. Вот только душу, кажется, не вложил. Впрочем... как знать? Души бывают разные.

Длинные, тонкие пальцы Дины проехали по грани письменного стола, как по клавишам пианино, соскользнули ниже и нашли опору на планку чуть выдвинутого верхнего ящика. Она почти машинально зацепила пальцами планку и потянула на себя. Ящик выдвинулся наполовину. Дина глянула на его содержимое.

Непочатая бутылка дорогущего французского коньяка. Руслан разопьет ее с кем-нибудь из значительных гостей. Несколько тысячных купюр, которые он, вероятно, швырнул в стол, как мелочь, и тут же о них забыл. Продюсер Шуравин богат. Конечно, не так, как нефтяные бароны, но все же...

– Что ты делаешь, Васильева? – тихо спросила у себя Дина. – Рыться в вещах мужа – некрасиво.

Но вместо того, чтобы закрыть ящик, она выдвинула его сильнее.

Так, а это что? Пистолет!

Дина не устояла перед искушением и достала пистолет из ящика стола. Она впервые в жизни держала в руках настоя-

щее боевое оружие. Пистолет был тяжелый и пах машинным маслом. От него так и веяло опасностью, словно это был не механизм, а хищный зверек, свернувшийся клубком у нее на ладони. Комок мускулов в блестящей черной броне.

Дина попыталась засунуть пистолет обратно в ящик стола, но он почему-то застрял. Она взялась за ручку и выдвинула ящик сильнее, но в своем желании побыстрее убрать оружие переусердствовала, и ящик с грохотом упал на пол.

Дина тихо выругалась. Затем опустилась на пол, отодвинула кресло, чтобы не мешало, и подняла с пола тяжелый ящик. Пальцы ее что-то нащупали на внешней части дна. Она снова положила ящик на пол и приподняла его с одного края, сясь разглядеть, что же там такое. И разглядела.

Ко дну ящика, с внешней его стороны, была приклеена скотчем толстая тетрадь. Дина отодрала ее и положила на колени. Почти не сознавая, что делает, она принялась листать тетрадь.

Однажды Руслан обмолвился в ее присутствии, что не доверяет сейфам и банковским ячейкам, потому что банк можно ограбить, а сейф – взломать. И что если хочешь спрятать что-нибудь понадежнее, то положи это на самое видное место. Дина давно забыла про тот давний разговор, но сейчас, листая тетрадь и разглядывая вложенные в нее документы, вспомнила.

Она держала в руках «черную бухгалтерию» мужа. А вложенные листки были купчими на квартиру в Майами-Бич и

дом в Юрмале. Дом и квартира, о которых Дина ничего не знала!

С минуту она сидела молча, размышляя о том, что увидела. Потом вложила купчие обратно в тетрадь, а тетрадь с грехом пополам прилепила ко дну ящика тем же скотчем. На то, чтобы вставить ящик обратно в стол, у нее ушла еще минута. Закончив с этим нелегким делом, Дина перевела дух. Потом оправила плащ, надела очки и кепи, взяла сумочку и двинулась к двери.

Когда она уже взялась за ручку, до ее слуха долетели приглушенные звуки, доносившиеся из приемной. Дина приникла ухом к двери и услышала чье-то пыхтение и жаркий женский шепот.

– Что ты делаешь? ...Нет-нет, только не здесь! А вдруг кто-нибудь войдет? ...Немедленно прекрати!

Дина отпрянула от двери, приподняла сумочку на вытянутой руке, а затем разжала пальцы. Сумочка упала на пол. Звуки за дверью тут же утихли. Дина усмехнулась, подняла сумочку с пола, дождалась, пока в приемной хлопнет дверь, после чего вошла в приемную.

Помощница Руслана, Инга Александровна Палецкис, стояла у своего стола и испуганно смотрела на Дину. Лицо у нее покраснелось, верхняя пуговка блузки была расстегнута, а сама блузка неаккуратно и явно торопливо заправлена в юбку. Даже очки в позолоченной оправе сидели на носу у Инги Александровны как-то криво. Впрочем, она тут же поправи-

ла их пальцем, после чего хрипло проговорила:

– Дина Борисовна? Что вы здесь делаете?

– Я приехала поговорить с мужем, но не застала его, – сказала Дина.

Голос ее звучал сухо и отстраненно. Инга Александровна все еще удивленно таращилась на нее.

– Наверное, мы с ним разминулись, – произнесла Дина.

– Руслан Маратович уехал полчаса назад. Но вы так и не ответили, почему...

– Что ж, значит, мы и впрямь разминулись, – беззаботным голосом проговорила Дина.

Она двинулась к выходу, чувствуя на себе свирепый взгляд Инги Александровны.

– Вы знаете, что Руслан Маратович никому не разрешает входить в его кабинет во время его отсутствия! – громко сказала Инга Александровна.

Дина остановилась. Медленно повернула голову и окинула помощницу мужа насмешливым взглядом.

– Правда? Даже вам?

Инга Александровна слегка опешила.

– На меня этот запрет не распространяется, – ответила она, – поскольку я его помощница в бизнесе и иногда обстоятельства заставляют меня...

– Отлично, – произнесла Дина. – А я его жена. И у меня тоже бывают свои обстоятельства.

Инга Александровна сдвинула брови. Она уже успела со-

вершенно успокоиться и взять себя в руки.

– Я должна буду сообщить Руслану Маратовичу о том, что вы были у него в кабинете, – проговорила Инга Александровна.

– Пожалуйста, – пожала плечами Дина. – Тогда и я должна буду сообщить ему о том, чем вы занимались в его приемной. Вряд ли Руслан Маратович одобрит ваши «брачные игры» на его деловых бумагах.

Пару секунд Дина и Инга Александровна смотрели друг другу в глаза. Помощница отвела взгляд первой.

– Полагаю, нам не обязательно делиться с ним этой информацией, – сказала она. – У него и так много забот.

– Да, – согласилась Дина. – Вы правы.

Женщины улыбнулись друг другу холодными улыбками, полными яда. Дина отвернулась и вышла из приемной.

В машине она попыталась снова обдумать все, что увидела. Купчие на недвижимость, «левые» доходы от концертов, о которых она ничего не знала... Выходило, что все эти годы Руслан обманывал ее. Но почему?

Быть может, он решил подать на развод? Но если они разведутся, то Руслан...

– Дина Борисовна, так куда мы едем? – услышала она голос Володи.

– Подожди, – сказала Дина. – Дай подумать.

Однако подумать ей не довелось, так как в сумочке задержался, завибрировал мобильник. Дина достала трубку, гля-

нула на дисплей и только потом ответила на звонок.

– Динуся, привет! – услышала она голос подруги Лиды.

– Привет, Лидусик! – Лицо Дины посветлело.

– Я тебя не отвлекаю? Ты сейчас можешь говорить?

– Да, вполне.

– Какие у тебя планы на сегодняшний вечер?

– Планы? – Дина пожалала плечами и рассеянно проговорила: – Вроде никаких. А что?

– У меня сегодня годовщина развода. Что, если мы с тобой разопьем по этому поводу бутылочку martinis? Ты как?

– В принципе, можно.

– Отлично! Когда приедешь?

– Если не встанем в пробке, то минут через двадцать. Что-нибудь купить по пути?

– Не надо, у меня все есть. Жду! – Лида отключила связь. Дина Васильева убрала телефон в сумочку.

– Помнишь, где живет моя подруга Лидка?

– Да.

– Едем к ней.

– Хорошо. – Володя завел мотор. – Забавно, – сказал он вдруг.

– Что забавно? – рассеянно спросила Дина.

– Да на обочине сидят две собаки – белая и черная. Интересно, да?

Дина посмотрела на собак и пожалала плечами. Ей это не показалось ни забавным, ни интересным.

– Поехали уже, – велела она Володе.
Он кивнул и тронул машину с места.

Лида и Дина сидели в глубоких креслах, подогнув под себя ноги. На столе перед ними стояли бокалы и бутылка белого мартини, опустевшая больше чем наполовину. Лида, милостивая рыжеволосая толстушка, одетая в восточный красный халат, смотрела на Дину веселым взглядом.

– И все-таки я тебе завидую, – сказала Лида. – Ты красива, знаменита. У тебя богатый муж.

Дина, не любившая подобных разговоров, легонько поморщилась.

– Лидка, мне просто повезло. Не подвернись я Шурави-ну и не пригласи он меня на главную роль в «Таежном изломе» – распевала бы я сейчас «Дубинушку» на подмосковной сцене, в сарафане и в кокошнике.

Лида качнула круглой головой:

– Не скажи. У тебя есть талант.

– Талант?.. – Дина усмехнулась. – Чтобы играть в сериа-лах, много таланта не надо. Да и в сериалах я по-настояще-му глубоких ролей не играю. Истощенные от нервных пере-живаний красотки – вот мое амплуа. Ты будешь смеяться, но у меня даже в личном деле на «Мосфильме» написано: вес – сорок восемь килограмм, грудь – один и пять, амплуа – хрупкие красавицы.

Лида засмеялась:

– Это же круто! Хотела бы я, чтобы обо мне кто-нибудь так написал.

– Зачем? Если кто-то из нас двоих и красавица, так это ты!

– Брось! Я толстая!

– Вот уж нет! Это я тощая. Как высохшая рыба.

Подруги опять переглянулись и снова не удержались от смеха. Потом, посмеиваясь, выпили еще по глотку мартини.

– Слушай, а возьми меня к себе прислугой, – предложила Лида. – Буду тебе кофе в постель подавать. С булочками. Возьмешь?

Дина покачала головой:

– Нет.

– Почему? Боишься, что отравлю?

– А ты можешь? – прищурилась Дина.

– А какой мне смысл? Твое место мне все равно не занять.

Кстати, у меня бокал пустой. – Лида взяла бутылку. – Тебе подлить?

– Давай.

Лида наполнила бокалы, они чокнулись. Пригубив, Дина искоса посмотрела на подругу и осторожно проговорила:

– Знаешь, со мной сегодня на сцене случилась одна... глупость.

– Какая?

Дина смутилась.

– Даже не знаю, как сказать... Я играла леди Макбет. Ну, ты помнишь – там ей все время мерещится, будто у нее руки

в крови.

– Угу, – кивнула Лида, окуная губы в бокал с вином. – После того как они с муженьком прикончили несколько человек.

– Точно. Так вот, в последней сцене, когда я уже собиралась уходить за кулисы, мне показалось, будто мои руки и правда в крови. Можешь себе представить?

Лида посмотрела на подругу с сочувствием.

– Динка, ты просто заигралась. Тебе нужно отдохнуть. Попроси у своего Руслана отпуск.

– Шутишь? – Дина хмыкнула. – Даст он мне отпуск, как же. Догонит и еще раз даст. – Внезапно Дина вспомнила про тетрадь, приклеенную ко дну ящика стола, и помрачнела. – Ладно, хватит обо мне, – со вздохом сказала она. – Ты так и не рассказала мне, как ты поживаешь.

– Да как... – Лида пожала пухлыми плечами. – Нормально поживаю. Детей нет, мужа нет, парня тоже. Не жизнь, а малина!

– Да-да, – рассеянно произнесла Дина, о чем-то размышляя. – Малина – это хорошо.

Лида посмотрела на подругу удивленно.

– Дин, ты вообще где?

– Что?

– Я говорю: о чем задумалась?

Пару секунд Дина колебалась: говорить – не говорить? Потом решила:

– Сегодня после спектакля я наведалься в офис к Руслану.
И кое-что там нашла.

Лида удивленно уставилась на подругу:

– Ты рылась в вещах Шуравина?

– В столе.

– Сумасшедшая, – притихшим голосом проговорила Лида. – А если он узнает? Представляешь, что тогда будет?

Дина молча отпила из бокала.

– Ладно, – смирилась Лида, и во взгляде ее зажглось неумное любопытство. – Так что ты там нашла?

– Журнал с «левой» бухгалтерией. Там посчитано, сколько он заработал на моих концертах. И сколько спрятал от налоговой... И от меня.

– То есть... – До Лиды дошло. – Он скрывал от тебя эти деньги?

Дина кивнула:

– Угу.

– И много там?

– Много.

– Н-да, дела... – озадаченно произнесла Лида. – Значит, твой Руслан живет двойной жизнью?

– Выходит, что так.

– С другой стороны, стоит ли удивляться? Он взрослый, самостоятельный мужик. Авторитетный, успешный, богатый. У него могут быть свои дела и свои тайны.

Дина сдвинула брови.

– Ты так говоришь, будто я уличила его в мелкой любовной интрижке. Хотя даже мелкую интрижку я бы не потеряла.

Взгляд Лиды стал недоверчивым.

– Хочешь сказать, что никогда не уличала его в супружеской измене?

– Никогда, – сказала Дина.

Лидка едва заметно усмехнулась.

– Знаешь, кто ты после этого?

– Кто?

– Максималистка!

– Может быть.

Лидка посмотрела, как Дина отпивает глоток martinis.

– Что теперь будешь делать? – тихо спросила она затем. – Скажешь ему?

– Пока не знаю. – Дина хотела что-то добавить, вдруг замерла, а затем встрепелась и испуганно посмотрела на часы. – Лидка, сколько сейчас времени?!

Лидка тоже посмотрела на часы.

– Девять тридцать. Сама же видишь.

– Черт! Совсем забыла.

– О чем?

– Сегодня родители мужа пригласили нас в гости. И я обещала Руслану подъехать к девяти часам.

Дина быстро достала из сумочки, лежащей на диване, мобильник, глянула на дисплей и мрачно констатировала:

– Семь неотвеченных вызовов.

Она набрала номер мужа. Дождавшись ответа, сказала в трубку:

– Алло, Руслан... Нет, со мной все в порядке. Я с Лидкой.... Что значит «с какой Лидкой»? С моей лучшей подругой. Да, ты ее видел, и не раз. Слушай, у меня совсем вылетел из головы этот ужин... Не кричи, пожалуйста. Руслан, я сказала – не кричи... Давай на два тона ниже, или я отключаю телефон... Вот так. Я сейчас же выезжаю и минут через двадцать или чуть больше буду у вас. Все, дорогой, до связи!

Дина убрала мобильник в сумочку и перевела дух.

– Ну, что? – с любопытством спросила Лида. – Шуравин мечет громы и молнии?

Дина небрежно хмыкнула.

– Да ладно, не катастрофа. Они все равно меня ненавидят. В их представлении жена должна быть тихой, как рыба, и послушной, как собачонка. И все время вертеться у ног мужа, стараясь ему угодить.

– Ну, тебя-то такой точно не назовешь, – произнесла Лида.

– Да уж, – согласилась Дина. – В этом смысле им со мной не повезло.

Подруги посмотрели друг на друга и рассмеялись. Но почти тотчас же Дина вдруг оборвала смех и наострила слух.

– Что с тобой? – спросила Лидка.

– Ты ничего не слышала? – тихо спросила Дина.

Лида покачала головой:

– Нет. А что?

– Вой. Как будто бы собачий... И очень тихий.

Лида прислушалась.

– Нет, – сказала она через пару секунд. – Ничего не слышу.

Дина вздохнула.

– Наверное, показалось, – проговорила она с виноватой улыбкой. – В последнее время мне часто мерещится всякая чертовщина.

Она взяла бокал и допила вино.

– Хочешь, давай мы с тобой повоем? – предложила Лида. – Вдвоем.

Дина скривила гримасу и произнесла:

– Лидка, иди к черту!

Та фыркнула. Дина поставил опустевший бокал и сладко потянулась.

– Черт, так не хочется от тебя уезжать. Но надо ехать. Мой благоверный и его «восставшие из ада» родители уже заждались. Без меня им там некого троллить.

Лида встала, подошла к стеллажу, взяла с него блистер с таблетками и, вернувшись к столику, протянула блистер Дине.

– Вот, держи.

– Что это? – не поняла Дина.

– Фенозепам. Здесь осталось две таблетки. Больше не проси – не дам. Я и для себя-то с трудом достаю, хотя в аптеке работаю. Сама понимаешь – «красный код».

– Лид, я не пью таблетки, ты же знаешь.

– И не надо. Но если вдруг накатит депрессняк... Или сны начнут сниться дурацкие... В общем, пусть они будут у тебя. Мне так как-то спокойнее.

Дина улыбнулась подруге:

– Ладно, Лидусь. Но только ради твоего спокойствия.

Она взяла блистер и сунула его в кармашек джинсов.

Родители Руслана Шуравина всю жизнь прожили в Москве и были атеистами, однако чем старше они становились, тем сильнее и громче в них начинало говорить восточное происхождение. Особенно в Розе Альбертовне. Марат Рустамович обычно отмалчивался, прячась от жены за раскрытой газетой и изредка поддакивая, когда жена требовала от него «проявить точку зрения». Вот и сейчас, за столом, он предпочитал больше помалкивать, чем говорить. Лишь меланхолично жевал запеченную баранину, запивая ее красным сухим вином.

– Женщина должна слушаться мужчину во всем, – вещала Роза Альбертовна. – Когда мужчина возвращается, дома его должны ждать чистота и порядок.

– А если жена сама работает? – поинтересовалась Дина, ковыряя вилкой салат.

– Все равно. Чистота и порядок! Стол накрыт, дети накормлены...

– У нас нет детей, – сказала Дина. – И кстати, по вине вашего мужа. Руслан считает, что еще слишком молод для этого. В его-то сорок четыре.

– Дина, перестань, – процедил Руслан сквозь зубы.

Роза Альбертовна холодно улыбнулась:

– Милая моя, это значит, что он не видит тебя в роли ма-

тери. Ты сама поставила себя в такое положение. А в твоём возрасте...

– Мне всего двадцать восемь.

– Не *всего*, а *уже*! В твоём возрасте у меня уже было четверо детей!

– А внуков?

– Что? – не поняла Роза Альбертовна.

– Внуков у вас в моём возрасте сколько было?

– Дина! – прорычал Руслан.

– Просто я подумала...

– Ты можешь помолчать хоть минуту? – Лицо Руслана стало злым, а голос угрожающим.

«По-моему, болтает здесь только твоя мамаша», – хотела сказать Дина, но не стала. Роза Альбертовна расценила её молчание как признание поражения и победно блеснула глазами. Дина вздохнула, взяла со стола бутылку вина и наполнила свой бокал.

– Дорогая, а не слишком ли много ты пьешь? – снова заговорила свекровь. – Кажется, это уже четвертый бокал?

– Сорок четвертый, – тихо огрызнулась Дина и сделала большой глоток.

Руслан нахмурился, но ничего на это не сказал. Лишь сунул в рот очередной кусок баранины и стал молча двигать челюстями, так же, как его отец.

– Марат, – обратилась к мужу Роза Альбертовна, – убери, пожалуйста, со стола вино. Мы сегодня слишком много

пьем. Или ты не согласен?

– Да, – покорно признал Марат Рустамович. – Ты права, дорогая. Вина сегодня действительно было многовато.

Он взял недопитую бутылку «Бордо суперье» и убрал ее на комод.

– Так хорошо? – уточнил он у жены.

Роза Альбертовна кивнула. Руслан вздохнул. Дина хмыкнула. «Хорошо, что успела себе налить», – подумала она и отпила еще глоток.

Внезапно блуждающий взгляд Дины наткнулся на черную кошку по кличке Кус-Кус, которая дремала, грациозно и гордо восседая на подлокотнике дивана, в полуметре от Розы Альбертовны.

«Прыгни на нее, – мысленно попросила Дина кошку. – Давай же, Кус-Кус! Расцарапай этой мегере физиономию!»

Кус-Кус медленно повела черным ухом, но даже не приоткрыла сощуренные от удовольствия глаза. Дина отпила еще глоток и посмотрела на рукотворный фонтан, бьющий в углу комнаты. С этим домашним фонтаном Роза Альбертовна носилась как с писаной торбой, справедливо считая, что больше ни у кого в Москве нет такого комнатного чуда.

Дина с ней не спорила. Действительно, кому еще в голову придет такая бредовая мысль – устроить фонтан в трехкомнатной квартире? Больше таких идиотов в Москве не найдешь.

Впрочем, фонтан Дине нравился. Он бил из натурального

куска скалы, привезенного с Кавказа, а чаша была обложена настоящими камушками. Иногда, глядя на него, Дина представляла себе, что перенеслась из этой опостылевшей квартиры в настоящий дикий лес, где ее никто не сможет достать.

На краю скалы, из которой бил фонтан, Марат Рустамович укрепил полочку и выставил на ней свою гордость – несколько крошечных коллекционных машинок. «Мерседес», «БМВ», «Кадиллак», еще что-то. Однажды он сообщил Дине, что каждая из этих машинок стоит больше тысячи долларов.

– Дина! – услышала она сердитый голос мужа. – Ты оглохла?

Дина повернула голову и посмотрела на мужа.

– Что?

Руслан наклонился почти к самому ее уху и жарко и злобно прошептал:

– Еще раз нахамишь моей матери – выкину тебя из всех телепроектов. Поняла?

Дина отвернулась. Потом достала из кармана джинсов блистер с таблетками, которые дала ей Лида. Она не смотрела ни на мужа, ни на свекровь, ни на свекра. Только на кошку. Кус-Кус по-прежнему дремала на своем троне. Дина выдавила из блистера одну таблетку.

– Что это? – спросил муж.

– Фенозепам.

– На кой черт он тебе сдался?

– От стресса.

Она положила таблетку на язык и картинно запила глотком вина.

– Дура! – прорычал Руслан. – А ну – дай сюда!

Он попытался вырвать блистер с последней таблеткой из руки Дины. Она отвела руку и назло ему выдавила вторую таблетку. Он хотел схватить таблетку, но Дина отбила локтем его растопыренную пятерню и тут же, от злости, бросила таблетку в рот и проглотила ее, не запивая. Шуравин округлил глаза.

– Ты что, и вторую сожрала? Идиотка!

Дина показала ему средний палец правой руки и отвернулась.

– Хороша жена, нечего сказать, – тут же прорезалась Роза Альбертовна. – Ты знаешь, Руслик, я не удивлюсь, если однажды выяснится, что Дина – наркоманка. Да-да, я не шушу. Вот так приедешь как-нибудь домой – а в сейфе нет ни украшений, ни денег. Я слышала, что наркоманы все выносят из дома!

На Дину напала приятная апатия. Звон вилок, бубнеж свекрови, ворчание мужа и вялые поддакивания свекра слились в один бессмысленный гул. И этот гул стал отдаляться от Дины. Мир вокруг нее тоже подернулся легкой золотистой дымкой. И в этой дымке осталось лишь одно контрастное пятно, на которое и устремила взгляд Дина. Это была Кус-Кус. Черная кошка сладко дремала, всем своим видом давая по-

нять, что человеческая речь – не более чем легкий назойливый фон, на который не стоит обращать внимания.

Дине вдруг почудилось, что она может читать мысли Кус-Кус. Мысли были медленные, сонные, однообразные. Дина увидела на стене тень кошки. А чуть в стороне – свою собственную тень. Еще не успев осознать, что делает, Дина подняла левую руку – так, чтобы тень этой руки дотронулась до тени Кус-Кус. И в тот же миг случилось нечто невообразимое. Едва тень руки коснулась тени кошки, Кус-Кус вскочила на ноги, а потом с диким воплем бросилась Розе Альбертовне на лицо.

Что было потом – невозможно описать. Руслан и Марат Рустамович пытались отодрать кошку от окровавленного лица Розы Альбертовны. Свекровь кричала от ужаса и боли. Кошка отчаянно вопила. И только Дина сидела на своем месте и смеялась.

Наконец, кошку оторвали и швырнули в угол комнаты. На лету она сбила с полки одну из маленьких машинок – роскошный черный «Мерседес-Бенц-Аденауэр», машинка упала на выложенную камнями чашу комнатного фонтана и разлетелась вдребезги.

Дина засмеялась еще громче, но вдруг оборвала смех. Черная разбитая машина, лежащая на мокрых камнях, о чем-то смутно ей напомнила. Дина попыталась вспомнить, о чем именно, но не смогла. Через секунду жутковатое ощущение дежавю улетучилось, но оставило после себя непри-

ятный и тревожный привкус.

Тем временем Марат Рустамович увел рыдающую и истекающую кровью Розу Альбертовну в ванную, а Руслан подскочил к Дине, схватил ее за плечи, сильно встряхнул и заорал:

– Как ты это сделала?!

Дина остановила на нем мутноватый взгляд и тихо проговорила:

– Не понимаю, о чем ты.

Руслан вдруг успокоился.

– Прости. – Он поднес руку ко лбу. – Что-то я не то говорю. Как ты могла заставить кошку прыгнуть на мою маму?

– Никак.

– Да. Никак. Знаешь что... – Он явно сделал над собой усилие. – Ты, наверное, поезжай домой. А я еще побуду с мамой.

– Хорошо, дорогой. Как скажешь.

Она встала из-за стола и направилась в прихожую. Кус-Кус забилась в угол, злобно сверкая глазами. Когда Дина проходила мимо кошки, та, выгнувшись дугой, зашипела на Дину.

– Дура, – сухо сказала ей Дина и прошла в прихожую.

Она быстро обулась и накинула плащ. А когда уже коснулась пальцами дверной ручки, в прихожую вышел Руслан.

– Дина, подожди!

Она остановилась и повернулась к мужу.

– Ну?

Руслан замер в шаге от нее, посмотрел ей в глаза, а потом вскинул правую руку и отвесил ей смачную пощечину. Дина вскрикнула и покачнулась, но сумела устоять на ногах.

– Дома поговорим, – произнес Руслан, повернулся и скрылся в гостиной.

Дина прижала левую руку к пылающей щеке, а правой вытерла с глаз слезы.

– Гад, – тихо бормотала она. – Гад.

Она отняла руку от лица и стала быстро рыться в сумочке. Наконец нашла то, что искала, – маленький картонный прямоугольник с телефонным номером. Затем достала мобильник и, вытирая слезы, набрала номер. Гудок... Еще один...

– Слушаю! – отозвался молодой мужской голос.

– Иван?

– Да.

– Это Дина Васильева, артистка. Помнишь меня?

– Конечно! Рад, что вы позвонили! Дина Борисовна, вы...

– Подожди, не пыли. У меня появилось свободное время. Если хочешь, можем встретиться.

– Встретиться?

– Да. Споешь мне свою песню. – Дина снова вытерла рукою слезы. – Или уже испугался?

– Нет. Я... – Он секунду или две помолчал. – У вас ничего не случилось?

– Нет, – сказала Дина, глотая слезы и стараясь говорить

спокойно. – Я в полном порядке. Так ты готов встретиться?

– Конечно. Где вы хотите?

– А где ты обычно репетируешь?

– Вам там не понравится. Это подвал. Мы с ребятами оборудовали его, обшили стены вагонкой, поставили звукоизоляцию...

– Пусть будет подвал. Диктуй адрес, я приеду.

– У вас есть еще двадцать минут, Дина Борисовна. Попейте кофе, пока гример займется вашим лицом.

Директор телепрограммы, маленький, подвижный человек, нагнулся к сидящей перед зеркалом Дине и доверительно спросил:

– Плеснуть вам в кофе немного коньяку?

– Спасибо, не надо, – сказала Дина.

Он пожал плечами:

– Как знаете. Многим помогает преодолеть волнение.

– Я уже преодолела.

Директор ободряюще кивнул и выскользнул из гримерки. Его место занял гример, пожилой, сухой, седовласый.

– У вас хорошее лицо, – проговорил он, разглядывая отражение Дины в зеркале. – Ему почти не требуется грим.

Дина улыбнулась и произнесла:

– Скоро потребуются.

– Не будьте такой пессимисткой, – возразил гример. – Еще лет пятнадцать вы будете выглядеть великолепно.

– А потом?

– Потом? – Он мягко улыбнулся. – Потом просто хорошо.

Гример принялся за работу, и Дина устало прикрыла веки.

...Спустя неделю после «инцидента с Кус-Кус» (так мыс-

ленно окрестила его Дина) Шуравин снова ее ударил. Почти без причины, во время какого-то мелкого бытового спора. Дина расплакалась, попыталась сама броситься на мужа, но он перехватил ее руки, прижал ее к себе и зашептал изумленным голосом:

– Извини... Правда, извини. Это просто затмение какое-то... Я не знаю, что на меня нашло.

Нижнее веко под левым глазом Шуравина нервно дернулось. Он поднял руку и погладил веко пальцем, словно успокаивая. Дина оттолкнула его от себя, попятилась к стенке и сказала:

– Так больше не может продолжаться.

Шуравин убрал руку от больного глаза.

– Я же извинился, – глуховато проговорил он. – Я просто немного погорячился. С кем не бывает? Ты ведь знаешь, я бы никогда не смог причинить тебе боль.

– Но ты меня ударил!

– Да, но... – Шуравин поморщился. – Ну, прости меня. Ну, дурак у тебя муж, что уж тут поделаешь. Я ведь не со зла. Я просто...

– Я больше не намерена это терпеть, – отчеканила Дина.

Она чувствовала дыхание мужа – тяжелое, отдающее запахом коньяка, хриплое, словно чья-то сильная рука сжимала ему горло, сдавливала грудь.

– Я изменюсь, – прохрипел Шуравин и снова пригладил пальцем дергающийся глаз. – Вот увидишь. Дай мне еще

один шанс. Только один. Ты же знаешь, что я готов измениться. Помнишь того идиота психотерапевта? Я пошел к нему. Ты велела – и я пошел!

Дина убрала ладони от лица и посмотрела мужу в глаза.

– Вчера я была у своего духовника, – тихо, но твердо начала она. – Он сказал, что если ты придешь и поговоришь с ним, то он...

Брови Шуравина удивленно приподнялись, на лбу прорезались глубокие морщины.

– К попу? Ты это серьезно? – Его лицо стало почти веселым. – Но ведь мы уже повенчались. Я вбухал в это дело кучу бабла! Чего еще он хочет?

– Он хочет нам помочь.

Руслан прищурился и пристально посмотрел на Дину.

– Кому? – резко спросил он. – Тебе или мне?

– Нам.

– Значит, этот святоша никак не хочет оставить нас в покое? – Лицо Руслана потемнело от гнева, но он сделал над собой усилие и усмехнулся. – Что ж, если ты настаиваешь... Почему бы и нет?

– Ты правда согласен?

– Да.

Лицо мужа стало спокойным и безмятежным. На мгновение Дине показалось, что в его черных и непроницаемых, как ночь, глазах мелькнуло какое-то странное выражение – хитрое, холодное, злобное. Но прошло мгновение, и взгляд

его вновь стал спокойным и приветливым.

– Когда? – осторожно спросила Дина. – Когда мы пойдем к моему духовнику?

Шуравин усмехнулся:

– Да хоть сейчас!

– Тогда я позвоню ему?

– Конечно, звони!

Дина, все еще не веря в успех, поднялась с пола, подошла к тумбочке и сняла телефонную трубку.

– Так я позвоню? – неуверенно переспросила она.

– Давай-давай, жми на кнопки.

Дина набрала номер.

– Алло... Будьте добры отца Михаила... Что?... Нет, я перезвоню. Через десять минут... Спасибо.

Она положила трубку на рычаг.

– Что случилось? – озабоченно поинтересовался Руслан.

– Он вышел.

– Вышел? – Шуравин изобразил на лице печаль. – Ах, какая жалость! И что же нам теперь делать? Как же нам теперь быть без отца-то Михаила? Я как раз собирался сходить в сортир. Если он перезвонит, спроси у него, какой рукой мне подтираться. Без его совета мне никак не обойтись.

Дина поежилась.

– Я полагаю, это не повод для насмешек, – сказала она.

– Да-да, ты права. Я просто неудачно пошутил. – Руслан взял со столика бутылку коньяка, наполнил стакан и уселся

в кресло, держа стакан с коньяком в руке. – Дина, я сделаю все, как ты скажешь, – объявил он. – Скажешь пойти к попу – я пойду. Скажешь прыгнуть с крыши – прыгну. Скажешь снять штаны и выйти с голым задом на Тверскую – я и это сделаю. Для меня главное, чтобы ты была счастлива.

Шуравин отхлебнул коньяк.

– Почему ты молчишь? – с усмешкой спросил он. – Все еще на меня дуешься? Брось! Я – твой муж, ты – моя жена. Жизнь хороша!

Дина молчала. Руслан посмотрел на нее поверх стакана с коньяком и прищурился:

– Слушай, золотце, ссора не приведет ни к чему хорошему. У меня идея! Что, если нам заняться чем-нибудь поинтереснее, а? – Он снова отхлебнул коньяка и протянул к ней толстую короткопалую ладонь: – Иди сюда!

Дина отшатнулась, но Руслан схватил ее за руку и грубо привлек к себе. Она упала к нему на колени, но тут же попыталась встать.

– Я должна позвонить отцу Михаилу.

– Через десять минут, – напомнил Шуравин, удерживая ее силой. – Если ты не будешь тянуть резину, мы успеем.

– Мне не хочется! – выкрикнула она и снова попыталась встать.

Шуравин держал крепко. Он провел пальцем по пуговицам блузки и криво усмехнулся.

– Разве жена не должна во всем подчиняться своему му-

жу? – проговорил он. – Что по этому поводу говорит твой отец Михаил? Давай, солнышко, ублажи муженька. Будь панинкой. А не то я пожалуюсь отцу Михаилу.

– Руслан, я не в том настроении, чтобы...

Руслан швырнул стакан на пол, грубо сгреб Дину и, держа ее на руках, встал с кресла.

– Что ты делаешь! – крикнула она.

– Ношу тебя на руках! Разве это плохо?

Он пронес ее к входной двери, повернул ручку замка и распахнул дверь. С улицы повеяло холодом.

– Руслан, холодно!

– Ничего, привыкнешь.

Он вынес ее на крыльцо, быстро спустился по ступенькам и подошел к собачьему вольеру, где томись два его любимца – доберман Джек и ротвейлер Кончак.

– Руслан! – закричала Дина. – Пусти меня!

– Пустить? Пожалуйста!

Распахнул дверь вольера и с размаху бросил ее на мокрую землю.

– Ты слишком разгорячилась! – сказал он, закрывая вольер на замок. – Тебе нужно немного остыть.

– О господи! Что ты делаешь? Ты сошел с ума!

– Кричи, кричи! Пускай сбегутся люди. Им будет на что посмотреть! Знаменитая артистка Дина Васильева сидит на куче собачьего дерьма! Это будет настоящая сенсация! Бомба! Я бы даже сказал – секс-бомба!

Он повернулся и пошел к дому.

– Руслан! – взмолилась Дина, вскочив на ноги. – Ради бога, выпусти меня отсюда! Мне холодно!

Шуравин обернулся. Посмотрел на нее ледяным взглядом и прищурился.

– Ага, – сказал он, – вспомнила о Руслане. Что же ты не зовешь на помощь отца Михаила? Он ведь такой мудрый, такой добрый. Он сможет тебе помочь.

Дина стояла босиком на мокрой земле, скрючившись от холода и опасливо глядя на собак, которые явно были сбиты с толку.

– Я никогда этого не говорила, – произнесла она.

– «Не говорила», – передразнил Шуравин. – Ну, значит, думала! Какая, к чертям собачьим, разница? Отец Михаил то, отец Михаил се. Может, ты и спишь с ним? Что он делает лучше меня? Трахает тебя кадиллом в задницу?

Лицо Дины посерело.

– Ты убиваешь меня, – сказала она, отбивая зубами дробь. – Ты убиваешь меня, Руслан!

Шуравин удивленно посмотрел на нее, затем провел ладонью по лицу, словно смахивал невидимую паутину.

– Ч-черт, – проговорил он голосом человека, вынырнувшего из дурмана. – Что же это я делаю?

Он повернулся, тяжело, словно преодолевая сопротивление воздуха, подошел к вольеру и открыл замок.

– Прости, зая... – В голосе его была растерянность. – По-

жалуйста, прости.

* * *

Гример работал споро и умело. За его быстрыми легкими руками приятно было наблюдать.

Дина сидела перед зеркалом и разглядывала свое лицо. Две тонкие морщинки по краям рта, несколько морщинок у глаз. И это в двадцать восемь лет! Нет, все-таки актерский грим – настоящий убийца кожи.

– Скоро мне надо будет делать пластическую операцию, – тихо проговорила Дина.

– Что за мысли, Дина Борисовна? – воскликнул старичок гример. – Вы просто куколка. Посмотрите на свое лицо. Нет, посмотрите-посмотрите!

Дина посмотрела на свое отражение.

– Видите? – продолжал витийствовать гример. – Одри Хепберн приняла бы вас за сестру-блондинку! А Мэрилин Монро устыдилась бы и села на диету!

Дина улыбнулась:

– Все-то вы врете.

– Ничуть! Ваши глаза – озера неги и страсти. Сейчас я их чуть-чуть подведу, и в них можно будет утонуть!

Дина улыбнулась и хотела ответить шуткой, но тут с зеркалом произошло что-то странное. Оно вдруг потемнело, и из его мерцающей темноты на Дину глянуло старушечье ли-

цо – морщинистое, темное, страшное.

Дина вскрикнула и отшатнулась.

– Что с вами? – испуганно спросил гример.

Секундное наваждение рассеялось, и Дина снова видела в зеркале помещение гримерки и себя саму – красивую, светловолосую, с выпученными от страха глазами.

– Там... – пробормотала она. Замолчала и облизнула пересохшие от испуга губы.

«Там только что была старуха», – хотела сказать Дина, но не смогла выговорить эти жуткие слова.

– Да что с вами сегодня, голубушка?

Дина натянуто улыбнулась отражению гримера:

– Ничего. Это все от бессонницы. Плохо сплю в последнее время.

– Это вы зря. Знаете правило? Хочешь быть молодым и красивым – побольше спи.

– Да, – тихо отозвалась Дина. – Буду спать.

Дверь гримерки распахнулась, и бодрый голос произнес:

– Дина Борисовна, нам пора на интервью!

– Да, уже иду, – ответила Дина.

Она с опаской взглянула на свое отражение, но, к собственному облегчению, ничего странного там больше не увидела. Никаких старух.

Руслан Шуравин откинул край вычурного золотистого го-
стиничного одеяла и провел рукою по обнаженной груди
юной блондинки.

– Такая большая, – восхищенно проговорил он. – Не то
что у моей благоверной. И как ты носишь такую большую
грудь? Сама-то ведь тонкая, как веточка.

– Все для тебя, милый! – с улыбкой проворковала его юная
пассия Вероника.

Шуравин протянул руку к тумбочке и взял из хрустальной
вазочки янтарную виноградинку. Бросил ее в рот.

– Милый, – заворковала Вероника, – я хотела тебе ска-
зать...

– Что сказать? – поинтересовался Шуравин, работая мас-
сивными челюстями. – О том, что я в постели супермужик?

Вероника хихикнула. Потом нахмурила лоб и произнесла:

– То, что я скажу, тебе не понравится.

– Да ну? Ты меня заинтриговала.

Шуравин выбрал самую крупную виноградинку и отпра-
вил ее следом за предыдущей.

– Это про твою жену, – сказала Вероника.

– Что про мою жену? – уточнил Шуравин, разжевывая ви-
ноградину.

– Ну, про ее связь. Думала, вдруг ты еще не знаешь.

Шуравин перестал жевать. Он выкатил на Веронику свои выпуклые черные глаза.

– Связь? Ты о чем? Какая связь? С кем?

– Да с этим мальчишкой-музыкантом. – Вероника хихикнула. – Ты знаешь, говорят, что она в него всерьез влюблена!

Несколько секунд Шуравин лежал неподвижно, а потом вдруг крепко выругался, вскочил с кровати и принялся взволнованно ходить по комнате, забыв накинуть халат. Его кряжистая, слегка обрюзгшая фигура с провисшим животом и всем тем, что болталось ниже живота, выглядела комично, и Вероника едва удержалась от смеха.

Шуравин продолжил ходить по комнате.

– Стерва! – рычал Шуравин. – Гадина! И это после всего, что я для нее сделал!

– Руслан, – негромко окликнула Вероника. – Не стоит так волноваться. Если подумать, то не так уж это и плохо. Ну, например, мы сможем больше не скрывать наших отношений.

Шуравин остановился посреди комнаты и уставился на нее пылающими от ярости глазами, и взгляд его был так страшен, что теперь уже его широкая голая фигура не казалась Веронике комичной.

– Давно ты об этом знаешь? – гневно спросил он.

– Нет, – соврала Вероника, испуганно глядя на своего пожилого любовника. – Пару дней.

– Почему не сказала раньше?

– Боялась, – тихо ответила Вероника.

Глаза Шуравина снова полыхнули дьявольским огнем, но он смог взять себя в руки и негромко произнес:

– Ладно. – Потом холодно усмехнулся и добавил: – Сама понимаешь, сейчас мне не до развлечений. Иди домой, а вечером я тебе позвоню.

Вероника решила не искушать судьбу. Она быстро поднялась с кровати, подхватила одежду, чмокнула Шуравина в бульдожью щеку и вышла из комнаты.

Руслан сел на кровать и погрузился в тяжелые размышления. Через несколько минут хлопнувшая в прихожей дверь вывела его из задумчивости. Он снова вскочил с кровати, секунду стоял неподвижно и молчал, а потом шагнул к комоду, сгреб с него гостиничную настольную лампу и с размаху швырнул ее об стену.

Стеклянные осколки посыпались на пол. Шуравин шагнул к этой сверкающей груде и изо всех сил пнул ее босой ногой. И тут же вскрикнул от боли и, чертыхаясь, сел на кровать. Подтянул раненую ступню поближе, кровь закапала на край кровати. Из пальца торчал осколок стекла.

– Твою мать! – прорычал Руслан, ухватился пальцами за осколок и выдернул его.

Жгучая боль пронзила палец – да так, что Шуравин вскрикнул, а из глаз его брызнули слезы. Но когда он снова взглянул на ранку, кровь уже не текла, а сам порез выглядел так, словно его прижгли раскаленным железом.

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Не на луне, а на Земле
Стояло капище мое.
Среди кедров онемевших
Стояло капище мое
На четырех ногах, вросших в землю,
Стояло капище мое...

Дремучая старуха шаманка перестала напевать, усмехнулась беззубым ртом и хотела поставить банку с травяным настоем на полку, но слабые пальцы вдруг подвели – банка выскользнула из них и с грохотом упала на пол, разбившись на куски.

– Чтоб тебя! – выругалась старуха по-русски.

Она нагнулась и ухватила темными пальцами один из осколков, но сделала это неудачно – острый осколок резанул ее по подушечке пальца. Старуха зашипела от боли и затрясла рукой. Из разреза на пальце тотчас потекла кровь. Старуха, прихрамывая и бормоча под нос проклятия, подошла к печи, пару секунд помешкала, а затем прижала кровоточащий палец к раскаленной конфорке.

Из приоткрытого рта старухи шаманки вырвался тонкий вой, глаза ее закатились под веки, и старуха рухнула на пол.

Когда она снова открыла глаза, вокруг был серый, подернутый дымкой лес. Она сразу поняла, что попала в нижний мир. Иногда такое с ней случалось – даже без бубна и камлания.

Медведеобразное чудовище стояло под сенью вековой сосны. Плечи и грудь его были увешаны бусами из беличьих черепов.

– Останови это, – жалобно попросила его шаманка.

Чудище покачало головой.

– Останови его! – крикнула старуха в отчаянии. – Я не хочу терять Пакина! Он – все, что у меня осталось!

Чудовище повернулось и побрело в черную гущу сумеречного леса. Шаманка зажмурила глаза и приказала себе очнуться.

Она открыла глаза и поняла, что лежит на грязном полу своей избы. Потом она почувствовала, что поднимается в воздух, но это был не полет. Сильные руки молодого охотника подняли ее с пола и легко, как пушинку, перенесли на кровать.

– Ай-е, ай-е, – тихо проговорила старуха. – Я не смогу это остановить.

Глаза ее были закрыты, но веки так истончились за долгую жизнь, что она была уверена, что давно научилась видеть сквозь них. Не открывая глаз, старуха видела, что Пакин спокойно, внимательно и мягко смотрит на нее. От его взгляда ей и самой стало немного спокойнее.

Старуха сама не заметила, как погрузилась в мрачный, тревожный сон. И приснился ей огромный город, посреди которого стояла высокая красная стена с двадцатью башнями, а на шпили башен были надеты огромные рогатые черепа, истекающие кровью. А вокруг стены и башен, изрыгая дым, носились по широченным серым тропам огромные странные звери, чьи гладкие спины лоснились в лучах заходящего солнца. И внутри каждого зверя был человек. И непонятно было — то ли человек выел зверю утробу и влез в нее, то ли зверь сожрал человека, но не смог его переварить и теперь изрыгает из утробы кровавый дым, словно глупый вор-хум, который проглотил сдуру кусок каменной соли.

Ведущая ток-шоу Соня Чехова сидела за шикарно накрытым столом в одном из лучших ресторанов столицы и приветливо улыбалась Дине, держа в руке бокал с минералкой. Интервью длилось уже пять минут. Чтобы не спасовать, когда придет время быть решительной, Дина выпила два бокала красного вина. Но *о главном* пока не было сказано ни слова.

Наконец, вопрос, которого она ждала со страхом и тревогой, прозвучал.

– Дина, – весело прощепетала ведущая, – вас с Русланом Шуравиным называют самой счастливой супружеской парой в российском шоу-бизнесе. Ваш муж постоянно снимает вас в своих фильмах и в тех фильмах, которые продюсирует. Кроме того, все помнят ваш клип на песню «Территория любви», в котором вы снялись вместе. Как сейчас складывается ваш творческий союз?

Сердце Дины учащенно забилося.

– Боюсь... – сказала она и голос ее сорвался. Она откашлялась, глотнула немного вина и повторила уже более твердым голосом: – Боюсь, что наши отношения с господином Шуравиным полностью себя исчерпали.

Ведущая удивленно уставилась на Дину, пытаясь, вероятно, понять, шутит та или нет. Наконец она заговорила, и го-

лос ее возбужденно зазвенел:

– Это касается личной жизни или профессиональных отношений?

– Это касается всего, – ответила Дина.

– Значит... – Соня Чехова едва не задохнулась от восторга, – вы разводитесь?!

– Да, – кивнула Дина. – Я подала на развод.

Ведущая сменила неуместный восторг на трогательную сердобольность.

– Что же случилось, Дина? – с участием спросила она. – Почему ваш брак дал трещину?

От выпитого вина и от жаркого света осветительных приборов у Дины начала кружиться голова.

– Мы слишком поздно выяснили, что у нас разные представления о любви.

– Не могли бы рассказать об этом поподробнее? – попросила ведущая, трогательно улыбнувшись Дине.

– Поподробнее? Хорошо.

И она начала рассказывать.

По мере рассказа глаза Сони Чеховой делались все круглее и круглее. Она то и дело бросала на оператора быстрые взгляды, словно говорила ему: «Ты слышал это? Ты это снял?»

– Извините, Дина, – сказала ведущая, когда Дина замолчала, – но все это как-то мало согласуется с образом Руслана Шуравина. Я много раз читала ваши интервью, где вы

рассказывали о том, какой Шуравин прекрасный человек. Неужели все это миф?

– Это все выдумка.

– Но женились-то вы по любви?

Дина грустно усмехнулась:

– Я – да. Вот только не знаю, насколько эта любовь была взаимной. В любом случае теперь все кончено.

Дина замолчала, взяла со стола бокал с красным вином и сделал большой глоток. В ушах у нее слегка зашумело.

– Значит, развод, – изображая на лице грустную задумчивость, констатировала Соня Чехова. – Я думаю, сегодняшняя передача потрясла и шокировала многих наших телезрителей. Могу себе представить, какая буря разразится завтра в газетах. Позвольте вас спросить, Дина, что помогло вам пойти на такой решительный шаг?

– Мне помог решиться мой друг, – спокойно ответила Дина.

– Друг? – Бойкие глазки ведущей заблестели еще ярче. – Можно узнать – кто он?

– Мне бы не хотелось называть его имя, – сказала Дина.

– Почему?

– Я не знаю, понравится ли это ему.

– Что ж, пусть имя вашего друга останется тайной для наших зрителей. И все же я не могу удержаться, чтобы не задать вам еще один вопрос. Друг, о котором вы сказали... он тоже работает в шоу-бизнесе?

– Да. Он музыкант.

– Дина, – произнесла ведущая и посмотрела прямо в камеру, – возможно, ваш муж сейчас смотрит эту передачу. Как вы думаете, что он сделает, услышав ваши слова? Как он отреагирует на ваши признания?

Дина посмотрела в камеру.

– Я думаю, он сейчас лезет на стенку от ярости, – тихо проговорила она.

* * *

Алюминиевая банка с хрустом сломалась в пятерне Руслана Шуравина. Он размахнулся и с силой швырнул смятую банку в экран телевизора.

– С-сука, – процедил он сквозь плотно сжатые зубы и прищурился на экран. – Я тебе покажу «стенку».

– Жизнь с этим человеком была настоящим адом, – говорила Дина с экрана телевизора. – И я рада, что все это кончилось.

Злобный, хриплый рык, вылетевший из гортани Шуравина, прозвучал еще более зловеще из-за сгустившейся за окном тьмы.

– Ты еще узнаешь, что такое ад, малышка, – прорычал он. – Я тебе покажу *настоящий* ад!

Руслан Маратович выключил телевизор и снова впал в мрачную задумчивость. Сидя в кресле, он вспоминал годы,

прожитые с Диной, и в его душе росли обида, злоба и гнев. Пять лет. Пять чертовых лет эта стерва издевалась над ним. Их брак был похож на войну, но на какую-то странную войну. Войну, в которой все попытки Шуравина победить и подчинить противника наталкивались на стену такого неземного равнодушия и ленивой рассеянности, что отскакивали обратно, принося боль и страдание ему самому.

Шуравин всегда ощущал, что в жене есть какой-то стержень, который ему не согнуть и не сломать, как бы он ни кричал и ни размахивал кулаками. На самом деле, Дина никогда не покорялась ему. «Да», – говорили ее губы. «Нет», – говорили ее глаза.

Иногда ему хотелось выколоть эти глаза, выдавить их пальцами, чтобы они не смотрели на него так; и чем смиренней вела себя Дина, тем больше бесился Шуравин. Он любил и ненавидел ее. И только выпивка помогала расслабиться и погасить эти внезапные вспышки ярости и гнева.

Вспомнив о выпивке, Руслан Маратович поднялся с кресла и, чертыхаясь, крихтя и кутаясь в теплый халат, побрел к мини-бару. Выбрал бутылочку коньяка, свинтил крышку и сделал большой глоток.

Выпив второй глоток, Шуравин почувствовал, как душу его объела звериная ярость, и понял, что взорвется, если не выпустит эту ярость наружу. Он взял со стола мобильник и набрал номер своей бизнес-помощницы.

– Слушаю вас, Руслан Маратович, – услышал он в трубке

спокойный, холодноватый голос Инги Александровны.

– Ты уже слышала про интервью моей женушки? – процедил Шуравин сквозь сжатые зубы.

– Да.

– Сможешь выяснить, где она сейчас?

– Разумеется.

– Сделай это побыстрее. А я пока оденусь.

Шуравин отключил связь, швырнул телефон на стол и пошел переодеваться.

Дина и Иван стояли в полутемном коридоре и смотрели друг другу в глаза.

– Не знаю, правильно ли я поступаю, – тихо говорила Дина. – Наверно, я не должна была рассказывать обо всем этом в интервью. Но я ничего не могла с собой поделать.

– Ты все правильно сделала, – сказал Иван. – А насчет развода – мы уже обсуждали это тысячу раз. Нужно было только решиться. Этого ублюдка уже не исправишь. Я рад, что ты это поняла.

– Господи, неужели я и правда сделала это?

– Да. Ты это сделала.

Иван обнял ее за талию, привлек к себе. Дина подставила губы и закрыла глаза. Они стояли в полутемном коридоре и целовались. Долго, нежно, самозабвенно.

– Я сняла хороший номер в гостинице, – сообщила Дина.

– Мы можем поехать ко мне, – возразил Иван.

Дина покачала головой:

– Нет. Я хочу пожить в гостинице. Пока все не утрясется.

Иван улыбнулся:

– Хорошо. Пусть все будет так, как ты хочешь.

Обнявшись, они пошли по коридору, но успели пройти всего несколько шагов, когда хрипловатый голос грубо окликнул их:

– Эй! А ну – постоите!

Дина остановилась и оглянулась. К ним по коридору широкими шагами, набычившись, приближался Шуравин.

– Боже, – тихо прошептала Дина и прижалась к Ивану.

Он обнял ее за плечи и шепнул на ухо:

– Не бойся.

Шуравин остановился перед ними, бешено сверкая глазами. Крепкий, кряжистый, с густой щеткой седеющих волос, с угольно-черными глазами, которые сейчас казались раскаленными докрасна. Кулаки его были сжаты.

– Я требую объяснений! – прорычал Шуравин.

Иван выступил вперед.

– Послушайте... – дерзко начал он.

– Подожди, Иван. – Дина прямо посмотрела Шуравину в глаза. – Что ты хочешь знать? Спрашивай, я отвечу.

– За что? – прорычал Шуравин. – За что ты меня так?

– Ты сам знаешь, за что. Я терпела пять лет. Ты меня унижал, бил... Потом каялся и снова бил. Но оказывается, ты меня еще и обкрадывал.

Казалось, Шуравин не расслышал ее слов.

– Ты меня публично унизила! – заорал он.

Дина медленно покачала головой:

– Нет. Ты сам себя унижил. И мне тебя не жаль. Прощай!

Дина отвернулась, взяла Ивана под руку, и они двинулись дальше по коридору.

– Гадина! – хрипло выкрикнул ей вслед Шуравин.

Дина и Иван не обернулись.

– Руслан Маратович, они не стоят вашего презрения, – произнес за спиной у Шуравина спокойный, холодноватый женский голос.

Шуравин обернулся. За спиной у него стояла Инга Александровна. Высокая, стройная, в деловом костюме, с высокой прической и строго поджатыми губами. В стеклышках ее золотых очков отражался мертвящий свет люминисцентных ламп.

– Руслан Маратович, я...

– Ты можешь оставить меня в покое?! – рявкнул на нее Шуравин. – Хотя на минуту – оставь меня одного!

Вместо того чтобы стушеваться и уйти, Инга Александровна сунула руку в сумочку, висящую у нее на плече, достала блистер с таблетками, выдавила одну и протянула ее Шуравину.

– Что это? – грубо спросил тот.

– Успокоительное, – невозмутимо ответила Инга Александровна. И добавила спокойно и рассудительно: – Она не заслуживает вашей ярости. И вашего презрения.

Шуравин вдохнул воздух полной грудью, а затем шумно выдохнул. И вдруг усмехнулся:

– Ты права. Ты всегда делаешь все, как надо. Давай сюда свою таблетку.

Он взял капсулу и забросил ее в рот.

– Есть чем запить?

– Конечно. – Инга Александровна достала из сумки бутылочку с минеральной водой.

Шуравин взял бутылочку, открыл и большим глотком запил таблетку.

– Может, у тебя и бурбон найдется? Или коньяк?

– Это вы достанете и без меня, – спокойно произнесла Инга Александровна.

Шуравин сунул руки в карманы брюк и некоторое время размышлял. А потом тихо и задумчиво проговорил:

– Н-да... Видала, как они меня? Раздавили и размазали – самым тонким слоем. Что ж мне теперь делать, а?

– На любого подлеца есть управа, – сказала Инга Александровна. – И любому обидчику можно отомстить.

– Да, – согласился Шуравин, заметно успокоившись. – Пожалуй. – Он тяжело вздохнул. – Ладно, я пойду в машину. А ты тут покрутись, уладь все, что можно уладить. Ответь на вопросы, если будут задавать...

– Хорошо, Руслан Маратович.

– «Хорошо», – мрачно повторил он. И добавил с угрюмой усмешкой: – Хорошо уже не будет. Но сделай так, чтобы дерьма на мою голову лилось поменьше. Купи пару журналов из крупных изданий, нашепчи им, что и как писать. Понадобятся деньги – звони мне.

Шуравин повернулся и, не прощаясь, зашагал прочь. Инга Александровна смотрела ему вслед. Лицо ее было спокойным, стекла очков блестели холодно и бесстрастно, а едва за-

метный изгиб плотно сжатых губ немного напоминал усмешку.

Гостиничный номер оказался не очень просторным, но вполне уютным. Свет от настольной лампы бросал на одеяло медовое полукружие, и кровать была похожа на маленький островок счастья среди моря страха и неблагополучия. Иван обнял Дину за голые плечи.

– Ты дрожишь, – сказал он. – Все еще боишься его?

– Нет, – тихо ответила она. – С тобой не боюсь.

Иван притянул ее к себе, мягко поцеловал в губы. Скользнул губами к мочке уха, потом к шее. Каждое его движение было полно необыкновенной нежности.

– Что с нами будет дальше? – спросила Дина.

– То же, что и со всеми счастливыми парами, – улыбнулся Иван. – Мы поженимся и будем жить долго и счастливо. Потом мы состаримся и умрем в один день.

Дина посмотрела на его юное лицо.

– Ты смеешься?

Иван покачал головой:

– Нет.

Дина легла щекой на его теплую грудь.

– Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Но это правда.

Красный огонек сигареты ярко вспыхнул во мраке, озарив темные губы Ивана.

– Но у меня нет денег, – грустно сказала Дина. – Все деньги, которые я заработала за эти годы, лежат на счетах Шуравина. Я нищая.

Иван затушил сигарету в пепельнице, повернулся к Дине и провел ладонью по ее волосам.

– Бедная девочка, – нежно проговорил он, – с каким идиотом тебе приходилось жить.

Руслан Шуравин, краснолицый, седоватый, угрюмый, сидел в глубоком кресле со стаканом виски в руке и смотрел на свою юную пассию Веронику. Дело происходило все в том же гостиничном номере, который Шуравин обычно снимал для любовных утех с Вероникой.

Девушка листала иллюстрированный журнал, слюнявя пальчик, как это обычно делают маленькие дети и старички. Девочка была что надо – густые светлые волосы, гладкое и свежее, как цветок, личико, полная упругая грудь, плотно обтянутая белой маечкой.

Шуравин смотрел на Веронику из-под косматых бровей, но перед глазами у него стояла другая женщина – худощавая, с задумчивым, немного рассеянным лицом и огромными синими глазами.

Почему она так поступила с ним? Он никогда не желал ей зла. Он просто хотел, чтобы в их отношениях был порядок. Разве это плохо, если человек *хочет порядка*?

Шуравин взял со столика газету, пробежал по ней взгля-

дом, еще больше побагровел и с ненавистью швырнул ее на пол.

«ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ СВОБОДНОЙ И СЧАСТЛИВОЙ» – гласил газетный заголовок. Броская вставка посреди статьи была и того хуже – *«Пять лет в объятиях садиста»*.

– Счастлива она... – процедил Шуравин сквозь стиснутые зубы, снова посмотрел на Веронику и грубо позвал:

– Иди сюда!

Вероника отложила в сторону модный журнал, поднялась с дивана и с улыбкой подошла к Шуравину.

– Сядь! – Он хлопнул себя ладонью по коленке.

Вероника послушно села.

– Скажи, я похож на садиста? – осведомился Шуравин.

– Нет, котик, не похож. – Вероника обвила его короткую и толстую, как у ротвейлера, шею своими длинными гибкими руками и обворожительно улыбнулась. – Ну какой же ты садист? Ты мой сладкий пупсик! Мой плюшевый мишка!

– Тогда почему они пишут, что я садист? – спросил Шуравин. – Почему?!

Улыбка Вероники стала еще обворожительней.

– Потому что у них нет мозгов, пупсик! А у твоей бывшей женушки нет совести!

– Это так, – согласился Шуравин. Он тяжело вздохнул и устало покачал головой. – Это ж надо такое придумать: Руслан Шуравин – садист. Бред собачий!

Вероника нагнулась и утешающе чмокнула его в оттопыренную нижнюю губу. Он поднял на нее суровый взгляд. Посмотрел на ее аккуратненький носик, на ровные, словно сделанные из мрамора щечки, на алые пухлые губки. Затем скользнул взглядом по ее груди – сквозь тонкую белую ткань майки просвечивали темные полукружия сосков.

– Котик, пойдем в кровать, – проворковала Вероника. – Тебе нужно выспаться. Завтра у нас ответственный день. В восемь утра мы едем на студию.

– На студию?

– Милый, ты что, забыл? На студию!

– А-а. – Шуравин дернул уголком рта. – Успокойся. Я помню. Все будет о'кей. Я сделаю из тебя звезду.

– О! Ты такой милый! – Вероника расстегнула ему рубашку и принялась целовать его шею и волосатую грудь. Продолжая покрывать грудь Шуравина поцелуями, она ловким, привычным движением расстегнула ему ремень. – Вот так, котик, – прошептала Вероника, – теперь тебе будет совсем хорошо. Мужчина должен чувствовать себя свободным...

Вероника расстегнула молнию на ширинке Шуравина и принялась ласкать его рукой, одновременно покрывая его лицо поцелуями.

– О, черт... – простонал Шуравин. – Ты любого мужика сведешь с ума!

– Да, – прошептала Вероника, обжигая ухо Шуравина своим горячим дыханием. – Могу... Только мне не нужен лю-

бой. Мне нужен ты, и только ты.

Шуравин повернул голову и посмотрел на Веронику в упор. Его больной глаз мелко подрагивал.

– Из тебя можно сделать звезду, детка, но это потребует слишком больших вложений.

Вероника тяжело опустилась на кресло.

– Но ведь с Диной у тебя все получилось.

– Времена изменились. Тогда достаточно было иметь башку на плечах, нужные связи и толстый кошелек. Сейчас на этом не выедешь. Рынок переполнен. Таких, как ты, – сотни.

– Но ты обещал, что сделаешь из меня звезду! – вскрикнула Вероника дрогнувшим голосом. – Ты обещал мне альбом! И новый клип!

– «Обещал», – передразнил Шуравин. – Мало ли, что я тебе обещал. Жизнь вносит свои коррективы.

Он встал с кресла, подошел к бару и достал бутылку виски. Вернулся к столу и наполнил стакан.

В дверь номера постучали.

– Кто там? – рявкнул Шуравин.

– Руслан Маратович, это Инга, – последовал ответ из-за двери.

– Входи!

Дверь открылась, и Инга Александровна со спокойным лицом прошествовала в гостиничный номер.

– Вероника, выйди! – небрежно приказал Шуравин любовнице.

– Хорошо, милый! Я пока приму душ!

Вероника упорхнула в ванную. Инга Александровна проводила ее холодным взглядом.

– Осуждаешь? – с усмешкой спросил у нее Шуравин.

Помощница покачала головой:

– Нет.

– Знаю, что не осуждаешь. – Шуравин отхлебнул из стакана. – И никогда не осуждала, верно? За это и ценю.

Инга Александровна ничего на это не сказала – должно быть, сочла реплику своего босса риторической.

Шуравин уселся в кресло, но своей помощнице сесть не предложил. Она стояла перед ним навтыжку, как адъютант перед своим генералом, сжимая в руках кожаную папку.

Шуравин посмотрел на помятую газету, валявшуюся на полу.

– Неблагодарная дрянь, – с досадой и злостью проговорил он. – За что она меня так ненавидит, а? За что поливает грязью? Я что, мало для нее сделал? Или мало ей дал?

– Вы правда хотите знать, что я обо всем этом думаю? – спокойно уточнила Инга Александровна.

Шуравин посмотрел на помощницу, хищно прищурившись:

– Ну?

Инга Александровна поправила золотые очки и сказала:

– Вы для нее – просто пройденный этап. Она взяла от ваших отношений все, что можно было взять, и пошла дальше.

Вы уже знаете, что у нее появился новый мужчина. Он молод и красив. Кроме того, этот парень очень амбициозен и абсолютно беспринципен.

– Вижу, ты много о нем знаешь? – мрачно спросил Шуравин.

– Он музыкант, – ответила Инга Александровна. – Гитарист из группы «Сфинкс». Его группа набирает обороты. Я слышала, они ищут деньги на запись нового альбома. Говорят, это будут настоящие хиты.

– Для того чтобы записать и раскрутить альбом, нужны не просто деньги, а огромные деньги! – яростно воскликнул Шуравин. – А я сделаю все, чтобы они не нашли денег! Уж ты мне поверь!

– Думаю, вы недооцениваете этого парня, – сказала Инга Александровна.

Руслан Маратович уставился на помощницу ошеломленным взглядом.

– Что ты имеешь в виду?

– Не думаете же вы, что он и в самом деле связался с Динной из-за любви?

– Погоди... – Шуравин наморщил широкий лоб. – Ты хочешь сказать, что этот паршивец собрался ободрать меня как липку?

– Я бы сказала мягче: юноша решил поправить свои дела за ваш счет.

– За мой счет! – выдохнул Руслан Маратович. Его боль-

ное веко задержалось. – Мало того, что этот теленок наставил мне рога, увел у меня жену, так он еще вздумал бодаться со мной?

Инга Александровна молчала, давая боссу возможность выговориться.

– Ну уж нет, – прорычал Шуравин. – Деньги они не получат! Можешь мне поверить!

– Дина может подать на вас в суд, – проговорила Инга Александровна. – И нанять хорошего адвоката.

Шуравин подумал и сказал:

– Вряд ли. Она не захочет со мной связываться. Я слишком хорошо ее знаю.

– А он?

– Кто «он»?

– Любовник Дины. Иван Лагутин.

Некоторое время Руслан Маратович сидел молча, уставившись на помощницу и тяжело дыша. Затем пригладил пальцами прыгающий глаз и тихо произнес:

– Я заставлю эту суку приползти ко мне на коленях. Я лишу ее всего. Она отправится туда, откуда я ее подобрал – в грязь, в навоз, в перегной. Я найму лучшего адвоката по бракоразводным процессам!

Инга Александровна поправила очки.

– Если хотите, я могу найти...

– Не надо никого искать, – оборвал ее Шуравин. – Со мной уже связался Домбровский.

– Домбровский? – Брови Инги Александровны сошлись на переносице. – Скажу честно, мне этот человек не нравится. Я чувствую в нем фальшь.

– Фальшь? Что ж ты хочешь – он ведь адвокат и зарабатывает на жизнь враньем. – Шуравин отпил из стакана еще глоток и облизнул губы. – Во время моего прошлого развода Домбровский мне здорово помог.

Дверь, ведущая в ванную, приоткрылась, и в зазоре появилась очаровательная белокурая головка Вероники.

– Милый, ты не освободился? – проворковала она.

– Через минуту, – ответил Шуравин.

Вероника скрылась в ванной, а Руслан Маратович снова перевел взгляд на свою помощницу.

– Переговори с Домбровским, – приказал он. – Назначь ему встречу.

Инга Александровна кивнула и покосилась на дверь ванной. Шуравину показалось, что на губах ее промелькнула усмешка – маленькая, юркая и холодная, как ящерица.

– Все, свободна! – сухо сказал он.

Помощница кивнула, повернулась и вышла из номера.

Встреча с адвокатом Домбровским состоялась в тот же день, ближе к обеду, в офисе Шуравина.

– Я бы не советовал вам разводиться, – сказал адвокат Домбровский с добродушной улыбкой.

Шуравин посмотрел на его гладко выбритое, тронутое веселыми морщинками лицо, на лысину в обрамлении седоватых прядей, на черную круглую оправу очков, на кокетливый галстук-«бабочку», нахмурился и уточнил:

– Много я могу потерять?

– Очень много, – честно ответил Домбровский. – Вот, взгляните.

Он положил перед Шуравиным листы бумаги, испещренные мелким шрифтом. – Посмотрите на абзацы, которые я выделил желтым маркером.

Некоторое время Руслан Маратович изучал документы, потом поднял на адвоката удивленный взгляд и недоверчиво проговорил:

– Это правда? Я потеряю больше половины?

– Да. – Домбровский вздохнул. – Видите ли, Руслан Маратович, ваш брачный договор имеет много изъянов. Составляя его, вы явно сэкономили на хорошем адвокате.

– У меня было *три* адвоката, – яростно проговорил Шуравин.

– Я говорю про *хорошего* адвоката, – сказал Домбровский.

– Такого, как вы?

– Такого, как я. Кроме того, я навел справки и выяснил одну неприятную деталь. Дело в том, что Дина Борисовна зафиксировала синяки от побоев.

– От побоев?

Адвокат кивнул и грустно произнес:

– Да. От тех побоев, которые, по ее словам, нанесли ей вы.

Шуравин хрипло и тяжело вздохнул.

– Вижу, эта дрянь хорошо подготовилась, – с ненавистью проговорил он.

– Что есть, то есть.

Шуравин усмехнулся плоскими губами.

– Значит, толку от вас никакого?

Домбровский тонко улыбнулся в ответ:

– Толк будет. Если мы будем действовать умело и решительно, мы спасем большую часть ваших денег. Но, разумеется, не все. Однако, будучи не только хорошим адвокатом, но и честным человеком, я бы настоятельно посоветовал вам помириться с женой и заключить с ней мировую. Попросту – откупиться от нее. Так сказать, обойтись «малой кровью».

Лицо Шуравина побагровело.

– Помириться с этой стервой? Это и есть ваш совет?

– Да, это и есть мой совет. – Домбровский внимательно взгляделся в лицо Шуравина и вздохнул. – Но вижу, вы не горите желанием ему последовать.

– Не горю, – подтвердил Шуравин. – Да она и сама не захочет. Эта гадина лопнет от злости, но отомстит мне за все свои обиды.

Домбровский хмыкнул.

– Нужно было думать, прежде чем обижать жену, – сказал он. Но, заметив сверкнувшую в глазах собеседника ярость, поспешно добавил: – Если мирный договор невозможен – будем готовиться к войне. Сражение будет яростным, и настройте себя на то, что целым и невредимым из него никто не выйдет.

Домбровский приподнял правую руку и посмотрел на циферблат наручных часов:

– Мне пора идти.

– Вы всегда так спешите? – с досадой спросил Шуравин.

– Я очень востребованный адвокат, – спокойно ответил Домбровский. – Я еще подумаю над вашим делом и вечером вам позвоню.

Адвокат поднялся со стула и протянул Шуравину мягкую белую ладонь.

– Всего доброго!

– Всего доброго, – хмуро отозвался Руслан Маратович, пожимая руку адвоката.

Домбровский вышел из кабинета.

В приемной он кивнул Инге Александровне, сидящей за компьютером, и хотел прошмыгнуть мимо, но она его окликнула:

– Эдуард Маркович! Одну минуту!

Адвокат остановился и посмотрел на помощницу Шуравина.

– Да?

Она встала из-за стола, подошла к Домбровскому и остановилась в шаге от него. Посмотрела ему в глаза.

– Вы ведь сделаете все, чтобы помочь Руслану?

– Конечно, – ответил Домбровский. – Ровно на ту сумму, которую ваш босс заплатит мне за работу.

– Он заплатит вам столько, сколько вы скажете.

– Да. Я знаю. – Адвокат улыбнулся. – Всего доброго, Инга Александровна!

Он взял ее художавую руку и на секунду прижал к губам. Затем быстро покинул приемную.

Инга Александровна несколько секунд о чем-то размышляла, затем повернулась, подошла к двери кабинета и осторожно в нее постучала.

– Да! – отозвался хриплый голос Шуравина.

Когда Инга Александровна вошла в кабинет, Руслан Маратович сидел в кресле со стаканом бурбона в руке и угрюмо глядел в стену. Помощница подошла к столу.

– Как прошла встреча с адвокатом? – вежливо осведомилась она.

– Нормально, – ответил Шуравин, не глядя на Ингу Александровну.

– Что он сказал?

– Что моя женушка может вытрясти из моего кармана половину всего, что там есть.

– Надеюсь, этого не случится.

Шуравин вздохнул.

– Ты не знаешь, в каком свинском мире мы живем. Домбровский посоветовал мне помириться с женой. Вымолить у нее прощение.

– Домбровский – идиот, – четко проговорила Инга Александровна.

Руслан Маратович посмотрел на нее удивленно:

– Что?

– Простите, возможно, я не так выразилась. Я хотела сказать, что не стоит слепо доверять адвокату. Даже самому лучшему.

Шуравин поморщился.

– Да ладно тебе. Он на разводах собаку съел.

– И все же я бы на вашем месте не слишком ему доверяла. Вы знаете свою жену лучше, чем он. Дина не пойдет на примирение, это факт. Ей не даст этого сделать ее молодой любовник.

– И что же ты от меня хочешь, не пойму?

Инга Александровна поправила очки.

– Я всего лишь хочу сказать, что адвокаты не решат ваших проблем.

– Ты это уже сказала. Но, кроме адвокатов, у меня никого нет. И потом – Домбровский прав. Если я с ней не помирюсь,

она выпотрошит меня, как курицу. Она зафиксировала синяки! А это уже не шутки.

Инга Александровна внимательно посмотрела на своего шефа сквозь мерцающие стекла золотых очков.

– Вы очень умный человек, Руслан Маратович, – негромко сказала она. – И наверняка что-нибудь придумаете.

Шуравин иронично осклабился.

– Что именно? Убить мне ее, что ли? Возможно, я бы так и сделал, будь я не продюсер, а...

Внезапно он осекся. Инга Александровна смотрела на него все тем же внимательным и спокойным взглядом.

– Хорошая мысль, – проговорила она вдруг.

– Что... – Шуравин сглотнул слюну. – Что ты имеешь в виду?

– То, о чем вы только что сказали. Насчет того, что есть всего лишь один шанс остановить вашу жену.

Некоторое время Руслан Маратович сидел молча. Потом провел ладонью по взмокшим волосам и растерянно произнес:

– Это была шутка. Просто шутка.

– Шутка, – эхом отозвалась Инга Александровна. – Я понимаю. Но ведь можно взглянуть на эту проблему и более серьезным взглядом, правда?

Руслан Маратович нахмурился, посмотрел на стакан и принялся взволнованно покручивать его в пальцах.

– Ну, допустим... – глухо сказал он. – Это, конечно, бред,

но... Допустим, что это случится. Но что дальше? Я хочу сказать: что будет, если меня поймают? Что тогда? Я, знаешь ли, не горю желанием отправиться за решетку.

– Если все сделать правильно – не поймают, – уверенно проговорила Инга Александровна. – Главное, никому ничего не рассказывать. И все тщательно продумать. Есть люди, которые делают это профессионально. Все, что вам нужно, – найти такого человека.

Шуравин посмотрел на помощницу из-под нахмуренных бровей, стараясь понять, шутит она или действительно говорит всерьез. Инга Александровна холодно улыбнулась.

– С людьми постоянно что-нибудь случается, Руслан Маратович. Кто-то попадает в аварию, кто-то падает с балкона, кто-то вообще ломает себе шею, поскользнувшись на банановой шкурке. Мир так сложен и опасен, что никогда и ничего нельзя сказать наверняка.

Шуравин криво ухмыльнулся и процедил:

– Если она упадет с балкона, все обвинят в этом меня.

– Значит, с ней произойдет что-нибудь другое, – произнесла Инга Александровна. – Вариантов множество. Главное – выбрать самый подходящий.

– Черт... Да я вообще не понимаю, о чем мы тут говорим! – внезапно вспыхнул Шуравин.

– Мы ищем способ решить вашу проблему, – спокойно сказала помощница. – И мы его найдем. Я могу посоветовать вам одного человека. Он очень большой профессионал

в своей области.

Руслан Маратович посмотрел на нее так, как смотрят на смертельно опасную вещь, которую не хочется брать в руки.

– Что за человек? – тихо пробормотал он.

– Вы наверняка о нем слышали, – ответила Инга Александровна. – Люди называют его Скрипач.

Лицо Шуравина оцепенело.

– Но... он ведь бандит.

– Верно. Однако его еще ни разу не сумели прижать. И никто не смог доказать, что он занимается чем-то незаконным.

Шуравин хмыкнул.

– Обычно я не связываюсь с такими людьми, – проговорил он. – И потом, я не знаю его лично.

– Я была знакома с ним лет десять назад, – сказала Инга Александровна. – И знаю, что на этого человека можно положиться.

Руслан Маратович внимательно посмотрел на помощницу и вдруг усмехнулся:

– Ты просто женщина-загадка, Инга.

Она чуть пожала плечами.

– У каждого из нас есть прошлое, Руслан Маратович. И я не исключение. В ту пору практически весь бизнес в России был криминальным, и такие люди, как Скрипач, пользовались уважением и спросом.

Шуравин наморщил лоб.

– Ну, допустим, – задумчиво произнес он после паузы. – Допустим, ты меня с ним сведешь...

– Я вас с ним сведу, – подтвердила Инга Александровна. – И поручусь за вас.

– Допустим, ты это сделаешь, – продолжил Шуравин. – Но я не могу понять: ты-то зачем в это ввязываешься?

Инга Александровна чуть дернула уголками губ, что, должно быть, обозначало у нее улыбку.

– Мне нравится моя работа, и я не хочу ее потерять, – сказала она. – Кроме того, я рассчитываю на небольшую премию. Но не беспокойтесь, для вас это не станет финансовым ударом. – Инга Александровна подняла руку и посмотрела на циферблат наручных часов. – Через пять минут у вас переговоры по поводу гастролей Дины Васильевой по городам Урала.

– Что? – не сразу понял Шуравин. – Ты серьезно?

– Конечно. Будущий развод – не повод отменять гастроли. У Дины Борисовны есть перед вами определенные обязательства. Если она откажется, вы потребуете с нее неустойку. Это оговорено в вашем с ней договоре.

– Seriously? – Шуравин задумчиво поскреб пальцами щеку. – Черт... Я об этом совсем забыл.

– Поэтому вы меня при себе и держите – чтобы я вовремя вам обо всем напоминала. Этот гастрольный тур должен принести вам около двух миллионов рублей. Сумма не грандиозная, но отказываться от нее не стоит. Кроме того, если с

Диной Борисовной произойдет несчастный случай, то пусть он произойдет подальше от Москвы.

Брови Шуравина снова съехались на широкой переносице.

– Гм... В этом что-то есть. Но моя жена... – В глазах его снова появилось сомнение. – Она вряд ли согласится... После всего, что произошло.

– Позвоните ей, – просто сказала Инга Александровна. – И напомните про ее обязательства. Только сделайте это вежливо.

Инга Александровна взяла со стола мобильник Шуравина и протянула его своему боссу.

– Я воспитывалась в детдоме, – произнесла Дина, лежа в постели и нежно глядя ладонью худую жилистую грудь Ивана.

– Вот как? – улыбнулся он. – Неужели родители от тебя отказались?

Дина качнула головой:

– Нет. Они погибли, когда мне было пять лет.

– Прости.

Иван прижал к себе Дину и поцеловал ее в лоб.

– Да ничего, – мягко сказала она, – я все равно их почти не помню.

– А как они погибли?

– Глупо. Нелепо. Фантастично. Мы втроем поехали в лес за грибами. Заехали на какую-то полянку. Я сказала, что не хочу идти, что лес здесь слишком страшный. Они дали мне книжку с картинками, чтобы я не скучала и не ныла, а сами пошли собирать грибы. Из леса они уже не вернулись.

– Не вернулись?

Дина качнула головой:

– Нет. Говорят, их убил медведь.

– Боже! – тихо воскликнул Иван. – Я думал, такое только в кино бывает.

– К сожалению, нет. – Дина вздохнула и продолжила, по-

глаживая узкой ладонью его грудь. – Их искали почти два месяца. И все это время я жила в лесу одна. Неизвестно, чем я питалась. Наверное, рвала ягоды.

– Подожди... – Иван удивленно моргнул. – Пятилетняя девочка два месяца жила в лесу? – недоверчиво уточнил он.

– Да. Удивительно, правда? Я почти ничего об этом не помню. Меня нашли рядом с какими-то болотами. Наверное, я ела бруснику и голубику. Или морошку. Ну, или что там еще растет, на болоте?

Иван провел рукою по щеке Дины, потом наклонился и поцеловал ее в губы.

– Бедная моя девочка, – сказал он.

– Одна детсадовская воспитательница, она любила выпить, считала, что я – лесная ведьма. Она меня страшно боялась.

– Жуть! Так значит, ты была русским Маугли?

Дина улыбнулась:

– Угу. Что-то вроде этого. Хоть роман пиши, правда?

– Правда.

– Знаешь что – давай не будем об этом больше говорить.

Предлагаю заняться более приятными вещами.

Дина лукаво прищурилась:

– Это какими же?

– Сейчас увидишь!

Иван перекатился на бок, лицом к Дине, подхватил край одеяла и накрыл их этим одеялом с головой.

...Но не прошло и минуты, как на тумбочке затрезвонил мобильный телефон.

Дина высунула голову из-под одеяла, откинула с лица светлую прядь волос и взяла трубку с тумбочки. Хотела глянуть на дисплей, но в этот миг Иван шутливо пощекотал ей под одеялом пятку, и она, вскрикнув, весело отпихнула его от себя и нажала на кнопку связи.

– Дина, это я... – проскрежетал из трубки голос Шурави-на.

Улыбка вмиг слетела с лица Дины.

– Зачем ты звонишь? – сухо произнесла она. – Я не хочу с тобой говорить.

– Пожалуйста, не вешай трубку! Я звоню по делу.

– И что это за дело?

– Ты, конечно, забыла. Но через несколько дней у тебя гастроли по Уралу.

Иван под одеялом поцеловал ее в теплый живот. Дина прыснула от смеха, прикрыла трубку рукой и воскликнула с напускной строгостью:

– Перестань! Я говорю по телефону!

Потом убрала руку от трубки и сказала, уже обращаясь к мужу:

– Разве ты их еще не отменил?

– Нет, – ответил Руслан. – С какой стати?

– С той стати, что я больше не твоя жена. И не твой «проект». И давай на этом...

– Нет, – проговорил Шуравин.

Если бы Дина могла сейчас увидеть его, она бы увидела, что лицо мужа покрылось красными пятнами ярости. Но он сумел взять себя в руки.

– Что ты сказал?

– Я сказал: нет. Ты решила развестись. Ладно. Но мы ведь с тобой профессионалы. Афиши уже расклеены. Зрители ждут твоих выступлений. В чем они-то провинились?

Иван зарычал под одеялом, изображая дикого зверя, и зарылся ей лицом между грудей. Дина легонько его оттолкнула.

– Значит, ты хочешь, чтобы я отправилась в тур по Уралу? – проговорила она в трубку.

– Да, – ответил Шуравин. – Всего один тур. Последний. Если хочешь, я сокращу гастрольный график. Тебе нужно будет выступить всего в трех городах.

Дина задумалась.

– Кроме того, если ты откажешься, тебе придется заплатить мне неустойку, – продолжил Руслан. – А ты ведь этого не хочешь, правда?

Дина нахмурилась.

– Послушай, Шуравин, если ты вздумал меня пугать...

– Вовсе нет, – перебил он. – Я знаю, что тебя испугать невозможно. Я просто пытаюсь делать бизнес. Как говорят на Западе, «ничего личного».

Дина тяжело вздохнула.

– Ладно, – решила она. – Я выступлю. Но не из-за тебя и не из-за твоих дурацких денег. Я сделаю это ради зрителей.

– Само собой, – отозвался Шуравин. – Но ты тоже неплохо на этом зарабатываешь. Я выполню все условия нашего контракта. Ты решила начать новую жизнь, и полсотни тысяч «зеленых» тебе сейчас не помешают, правда?

– И как это тебе удастся все изгадить? – тихо проговорила Дина.

Шуравин тихо засмеялся.

– Я пришлю к тебе свою помощницу, – сказал он, посмеиваясь. – И вы еще раз утрясете все детали – с учетом новых обстоятельств. До свиданья, родная.

– Иди к черту.

Дина отключила связь и бросила мобильник на тумбочку. Иван вылез из-под одеяла, посмотрел на Дину веселыми глазами и спросил:

– Зачем он звонил?

– По поводу работы.

– Работы?

– Да. Я совсем забыла... – Дина вздохнула и посмотрела на любовника виноватым взглядом. – Через несколько дней мне придется уехать.

– Куда уехать?

– В небольшой гастрольный тур по уральским городам.

Иван недовольно нахмурился. Дина протянула руку и нежно погладила его ладонью по заросшей за ночь щеке.

– Ну прости, малыш. Я просто забыла.

– А отменить эти гастроли нельзя?

– Нельзя. Афиши уже расклеены. Слушай, а может, ты поедешь со мной? – внезапно предложила Дина. – А что – хорошая идея! Мы ведь мечтали вместе выступать, помнишь?

Иван взял руку Дины и поцеловал ее в ладонь.

– Зая, я не смогу. Ты же знаешь, у нас с ребятами выступления в клубах. Все расписано на две недели вперед.

Дина вздохнула:

– Жаль. – Но тут же улыбнулась. – Но, с другой стороны, меня не будет всего четыре дня. Шуравин сократил гастрольный график.

Иван скривился.

– Не произноси его фамилию вслух. Меня от нее мутит.

– Меня тоже. Давай не будем о нем больше говорить. Я приеду с гастролей, и мы начнем новую жизнь, в которой больше не будет Шурави...

– Дина!

Она улыбнулась:

– Прости. Когда я вернусь, мы начнем все заново. У нас получится.

– Конечно, получится! А пока...

Иван навис над Диной, страстно поцеловал ее в губы, а затем подхватил край одеяла и снова накрыл себя и Дину с головой.

В полночь, когда Дина крепко спала, Иван осторожно поднялся с кровати, вынул из кармана джинсов свой мобильный и тихо, на цыпочках, прошел в ванную комнату. Там он, не включая света, нашел в справочнике мерцающего телефона номер абонента, названного «Добро», и нажал на кнопку связи.

Абонент отозвался после трех гудков.

– Слушаю тебя, Иван, – негромко проговорил он.

– Эдуард Маркович, звоню сообщить, что все идет по плану, – тихо произнес в трубку Иван и опасливо покосился на закрытую дверь ванной.

– Молодец, – похвалил собеседник.

– Но я хотел сказать... – Иван сбился и начал заново. – Я хотел сказать, что мне все это не по душе.

– Что именно?

– Вся эта фальшь.

– Иван, не забивай себе голову бредовыми мыслями. Ты помогаешь Дине Васильевой, поддерживаешь ее – что же тут плохого?

– Эдуард Маркович, я чувствую себя сволочью.

– Почему?

– Потому что я... – Иван досадливо поморщился. – Черт, никогда не думал, что когда-нибудь такое скажу. Мне кажется,

ся, я ее люблю.

– Иван, – по-отечески доверительно заговорил собеседник, – не путай работу и чувства. Я заплатил тебе, чтобы ты стал близким другом Дины Борисовны, уговорил ее развестись с мужем и поддержал ее в этом нелегком решении.

Иван усмехнулся.

– Вас послушать, так вы настоящий доброхот.

– А разве не так?

– Не так. Вам нужны деньги Шуравина. И вы решили добраться до них через меня. Но что будет, если Дина пошлет меня к черту? Об этом вы не подумали?

– Не пошлет, – возразил собеседник. – Она влюблена в тебя как кошка.

– Да, но если она узнает, что я...

– Не узнает, – перебил собеседник. – Просто играй свою роль, и совсем скоро ты станешь состоятельным человеком. Тебе ведь нужны деньги, правда? Я предложил тебе хороший способ их заработать. Думай только о том, чтобы хорошо исполнить свою роль, а моральные аспекты этого дела оставь мне.

– Да уж... – Иван усмехнулся. – Вы, адвокаты, умеете оправдать любую подлость. А вы уверены, что Шуравин проигрывает судебный процесс?

– Уверен. Я приложу к этому все усилия.

– А если он наймет другого адвоката?

– Не наймет. И вообще – пусть тебя это не тревожит. Луч-

ше скажи, ты уже сделал ей предложение?

– Да, – ответил Иван хмурым голосом. И прошептал одними губами: – И от этого чувствую себя еще большим подлецом. Послушайте, я еще хотел кое о чем вас спросить.

– Спрашивай.

– Дина рассказала мне, что ее нашли в лесу. И что она жила там одна два месяца.

– Да. Правда.

– И ее родителей правда задрал медведь?

– Нет.

– Но тогда... что там случилось, на этом болоте?

– Тебе не нужно об этом знать.

– Да, но Дина...

– Двадцать два года назад я дал себе слово, что она никогда не узнает правду. А если узнает, то не по моей вине.

– Я ничего ей не расскажу. Но мне нужно это знать. Просто чтобы правильно себя вести.

Собеседник помолчал. А потом тихо проговорил:

– Ее отец убил ее мать. Зарезал грибным ножом. А потом покончил с собой.

Лицо Ивана вытянулось от изумления.

– Но... почему?

– Это произошло в уральской тайге, возле болота с ядовитыми испарениями. Посчитали, что он отравился и у него начались галлюцинации.

Иван вдруг насторожился и напряженно вслушался в ти-

шину гостиничного номера. Ему показалось, что он слышит какие-то шорохи.

– Все, я не могу больше говорить, – прошептал он в трубку. – До связи.

Иван быстро отключил связь и слегка приоткрыл дверь ванной. В номере было тихо. Он вышел из ванной, на цыпочках прошел в комнату, сунул мобильник в карман джинсов и забрался под одеяло.

Дина Васильева тихо посапывала во сне. Иван минут пять поворочался, а потом тоже уснул – крепким сном молодого, здорового мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.